

Протопресвитер Виталий Боровой: Проповеди на пассиях в Богоявленском соборе

Проповедь

Первые две пассии в N 21 ПАССИЯ ТРЕТЬЯ

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! Сегодня, в четвертую неделю Великого поста, посвященную памяти преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Лествичника, мы совершили с вами нашу третью пассию—богослужение, посвященное страстям, страданиям Господа нашего Иисуса Христа. Во время первой и второй пассий мы с вами говорили о том, что великий смысл Креста, страданий Христовых неизменно сопутствует истории человечества, особенно истории Церкви Христовой, Церкви Христовой изначально. Но вместе с тем мы говорим, что тема страданий, тема Креста органически соединена со славой и торжеством Церкви, по самой природе ее, со славой и торжеством Христовой истины. Церковь Божия всегда, во все времена, даже во времена наибольшего упадка и страданий, смело, мужественно с дерзновением утверждала, что вера наша—вера апостольская, вера отеческая, вера православная, вера, на которой утверждается Вселенная. Обо всем этом мы с вами говорили в прошлый раз. Сегодня мы вместе с вами постараемся понять, что мы утверждаем, когда говорим, что вера наша—православная. Воистину, дорогие братья и сестры, с верой православной в истории православной Церкви наиболее тесно, наиболее неразрывно связана тема Креста, тема страданий, недаром и пассии возникли на Западе в ХУП-ХУШ веках, там, где православная Церковь, православная вера должны были отстаивать свое существование, борясь против тех сил, которые тогда ополчились против них. В самом деле, вся история Церкви, ее жизнь, существование православия всегда проходили и проходят под знаком участия в Кресте Господнем, под знаком участия в страданиях Господа нашего Иисуса Христа. Вспомним, дорогие братья и сестры, что святая православная вера, вера, которую завещали нам апостолы, и которую распространили, утвердили и сформулировали святые отцы,—была сильной, могущественной, самой животворной, самой динамичной силой культурного мира того времени. Но в истории, в испытании истории, при постоянном участии нашей Церкви (поелику она и есть истинная православная Церковь) в Кресте Господнем, в страданиях Господа нашего Иисуса Христа, а не только в славе Его, случилось так, что там, где были когда-то славные, могущественные православные Церкви, там теперь—только жалкие, ничтожные остатки православных верующих христиан. Где знаменитая Александрийская Церковь—Церковь Египта, Церковь Африки, Церковь апостола Марка, Церковь, прославленная многочисленными учеными, отцами, учителями Церкви, Церковь, знаменитая своим богословием, Церковь, которая утверждала культуру Египта того времени? Ее нет. В основном там—ислам. Где знаменитая Иерусалимская Церковь—Церковь-мать, Церковь, с которой началось распространение христианства? Кроме города Иерусалима, там очень немного христиан. Где знаменитая Антиохийская Церковь—Церковь Востока, Церковь Азии, Церковь, знаменитая своей богословской историей, своими отцами и учителями. Церковь, знаменитая своей миссионерской деятельностью, которая распространила в свое время христианство по всей Азии—до Китая, до Монголии, до Кореи, до Индонезии, до Явы, до Индии? Ее нет. Там лишь остатки православных верующих христиан, а в основном—или ислам, или другие религии. Где знаменитая Константинопольская Церковь—Церковь, которая в свое время была матерью для нашей Церкви, и для большинства славянских Церквей, Церковь, которая оказывала могущественное влияние—богословское, культурное—на всю средневековую Европу, Церковь,

богословие и культура которой сформировали христианскую культуру Запада? Эта Церковь насчитывает несколько редких общин. Дорогие братья и сестры! Я мог бы еще и еще таким образом вспоминать прежнюю славу, прежнее могущество, прежнюю силу православных Церквей и говорить о нынешнем их положении. Мы с вами—отеческая, православная Церковь, Церковь, которая приобщила к вере Христовой шестую часть мира. Церковь, которая в благовествовании Христовом, в миссионерской деятельности послужила и имела успех больше, чем какая-либо другая христианская Церковь. Мы с вами—Церковь, которая своим просвещением, наукой Христа затмила всю Восточную Европу, Среднюю Азию, Сибирь—до Китая, до Японии, до Кореи, Церковь, которая принесла христианство в Америку. Мы с вами Церковь, которая двигала русскую государственность, русскую культуру, которая была воистину душой русского народа. Однако сейчас существуют миллионы, миллионы неверующих. Вот так, дорогие братья и сестры, исторически складывалась судьба святого Православия, так Православная Церковь с самого начала своей истории участвовала и участвует в крестных страданиях Христа, так она свидетельствует о Христе в самых тяжелых, в самых сложных условиях. Но спросим себя, что это значит? Является ли это наказанием Божиим за грехи наши? Или для нас это знамение Божье? Это—и то, и другое. Это и наказание Господне за наши исторические грехи, это и испытание, крестное испытание, посланное нам Господом. Но вместе с тем это—и знамение, знамение силы, невероятной силы православной истины. Но это выглядит, как парадокс, как невероятное утверждение с моей стороны. Может ли быть исторический упадок признаком, свидетельством силы Божией? Да, дорогие братья и сестры. Об этом и свидетельствует нам апостол Павел, об этом свидетельствует и история нашей Церкви, и Священное писание. Так, апостол Павел во Втором послании к Коринфянам (12: 7) говорит, что ему за премногие откровения, за те бесчисленные откровения, которым он сподобился от Господа, за ту близость к Господу, с Которым он постоянно находился, с Которым он был самым сильным, самым действенным свидетелем Христовой истины, самым мощным проповедником христианства в тогдашнем мире, ему «дано было жало в плоть, ангел сатаны, удручать его, чтобы он не превозносился». Господь послал испытание апостолу, чтобы он не превозносился, чтобы он не считал, что все, что он делает, он совершает силой своей, умом своим, гением своим, знанием своим, чтобы он сознавал, что несмотря на то, что Бог его возлюбил, сам по себе он—ничто, только орудие в руках Божиих, но орудие мощное, непобедимое. И это орудие—орудие благодати Божией. Апостол Павел говорит: «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалить его [жало] от меня» (2 Кор 12: 8). Апостол Павел слезно молил, чтобы Господь избавил его от страданий, от этого испытания, от этого ангела сатаны. Если Господь его любит, если он—служитель Божий, пусть Господь освободит его от этого страдания. И Господь ему сказал: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12: 9). То же происходит и с нами, дорогие братья и сестры, то же происходит и со святой православной Церковью и с нашей святой православной верой. Сила ее совершается в немощи, сила ее не есть сила ее, но Сила Божия, истина ее не есть истина ее, но Истина Божия, Благодать ее не есть ее благодать, но благодать Божия. А слабость ее, исторические немощи ее, страдания ее—участие ее в страданиях Божиих, сила Божия совершается в ее исторической немощи. И действительно, дорогие братья и сестры, если мы посмотрим на историю нашей Церкви, на историю нашего богословия, на историю нашей духовной жизни, на историю нашей культуры, на историю богослужения, то увидим, что сила Божия совершается через святое Православие в немощи его. Православное богословие—это богословие святых отцов, богословие, которое лежит в основе всего христианского богословия. И если в основе западного богословия, католического богословия, богословия протестантского, богословия всех церквей, возникших после Реформации, лежат элементы истины Христовой, то эти элементы—от Православия, от святых отцов восточной православной Церкви. Если же мы посмотрим потом на богословие XIX века, новейшее православное богословие, то мы увидим, что наше богословие, наша религиозно-философская мысль—самая сильная, самая глубокая, самая действенная во всем христианском мире. Наши богословы и религиозные мыслители

XIX-XX веков—Хомяков, Соловьев, Достоевский, Нечаев, Несмелов, их учение, их религиозная философия—это та закваска, на которой сейчас растет, ширится и обретает силу христианская мысль сегодня. Если мы с вами, дорогие братья и сестры, проанализируем историю нашей святости, историю монашеских аскетических подвигов православной Церкви, то увидим поразительную глубину этих аскетических подвигов, поразительную глубину и богатство форм нравственного совершенства. Для претставителей других христианских течений эти удивительные христианские подвиги всегда служили примером для подражания. Если мы посмотрим на наше чудесное богослужение, на наши чудесные иконы, на наше чудесное пение, на все стороны православного бытия, то увидим, что это—живое апостольское предание, живое отеческое предание, живая православная вера, которые воистину живут, действуют, проникают в человеческую жизнь—культурную, общественную, личную. И наша живая православная вера является вершиной того, что создала христианская Церковь. Дорогие братья и сестры! Сказав эти, может быть, с точки зрения внешних, безумные слова, которые звучат как догмат, я хочу, чтобы мы с вами себе ясно отдавали отчет в нашей слабости, в том, что это не нами достигнуто, это сила Божия действует через нас, бедных, немощных, нестойких, недостойных. Сказав это, дорогие братья и сестры, я хочу еще обратить ваше внимание на две большие опасности, угроза которых постоянно сопутствует сохранению нашей верности святому Православию. Первая опасность (я о ней говорил в прошлый раз, когда мы рассуждали о том, что такое вера отеческая) заключается в том, что очень часто чистую, непорочную православную веру, такую, какую сохранила наша Церковь от апостольских времен, от времен святоотеческих, мы в нашей жизни, по нашему ограниченному кругозору, по нашим человеческим слабостям часто смешиваем с местными преданиями, с местными обычаями, со всякого рода повериями, которые выдаются за предания святоотеческие, за суть истинного Православия. Существует и вторая, еще большая опасность, всегда сопутствующая силе, могуществу, но и страданиям православной Церкви. Мы с вами называемся православными. Но подумайте о том, что мы утверждаем, когда говорим, что мы—православные. Мы этим утверждаем, что мы правильным образом славим Бога, мы этим утверждаем, что вера наша—вера истинная. Конечно, это так, это правда. Мы действительно православные. Действительно, православие правильным образом славит Бога. Но, дорогие братья и сестры, славить Бога—это не означает только славить Его в Церкви, только в молитвах, славить Его только монашеским аскетическим образом. Славить Бога—это славить Его не только в словах, не только в мыслях, не только буквально в церковной жизни и службе. Это означает еще славить Бога в жизни своей, в делах своих, в отношениях своих с ближними. По-гречески слово «православие» звучит как «ортодоксия». Это значит «правильно славить Бога». Но, дорогие братья и сестры, православие-ортодоксия по смыслу требует после себя слова «ортопраксия». Эти понятия неразрывно связаны между собой. Греческое слово «ортопраксия» означает не только правильно славить, но и правильно жить, правильно поступать. Мы должны быть православными не только в смысле «славить», мы должны быть в нашей жизни, в делах наших православными хранителями и свидетелями апостольской и отеческой истины. Мы должны быть праводелателями. Дорогие братья и сестры! Если мы будем искренни перед собою, если мы посмотрим на нашу историю, каждый на себя, то увидим, что мы скорее верны православию в смысле «славить Бога», и мы часто нарушаем православие в смысле праводела-ния, правильного поступания—согласно нашей вере. Господь устами ветхозаветных пророков говорил Своему народу, богоизбранному народу, нам с вами: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня...» (Ис 29: 13; Мф 15: 8). Будем же бояться этого, дорогие братья и сестры! Будем же страшиться этого, чтобы не оказаться православными только на словах, чтобы не оказаться православными только здесь, в церкви, во время богослужения, или только дома, во время утренних и вечерних молитв наших. Мы должны быть православными всегда—когда мы живем, когда мы работаем, когда мы в семье, с ближними, когда мы встречаемся, общаемся с другими людьми,—езде и всегда мы должны быть не

только правильно славящими Бога, но и поступающими по заповедям Божиим, так, чтобы православие-ортодоксия вызывало бы как следствие праводелание-ортопраксию. Конечно, это наш исторический грех, и мы с вами его осознаем, и в скорбях наших, когда мы гонимы, мы всегда просим Бога дать нам силы быть православными в жизни нашей, в делах, во влиянии нашем на общество. Дорогие братья и сестры! В горниле исторических испытаний ощущается, светлеет и приходит к новой силе святое Православие. Наша Церковь, наша вера в своей истории выдерживали победоносной силой Божией любое испытание, поэтому мы с вами будем твердо верить, твердо знать, что святое Православие, поелику оно хранит благодать Христову, истину апостольскую, святоотеческую, православную выйдет из всяких, в том числе и нынешних исторических испытаний. И мы с вами свидетели этого. Наша жизнь, как и жизнь людей двух-трех предшествующих поколений, свидетельствует о том, что истина Божия живет и побеждает в любых исторических условиях. Поэтому мне хочется закончить нашу с вами беседу о святом Православии, о Божией истине, о святой православной вере призывом не только правильно славить Бога, но и жить по Божиим заповедям. Я хочу, чтобы вы чувствовали уверенность, чтобы у вас была твердая вера в то, что сила Божия совершается в немощи нашей, сила Божия будет могущественно действовать и действует через немощь нашу. И мы вместе с апостолом Павлом две тысячи лет свидетельствуем и еще тысячи лет будем свидетельствовать, повторять его слово, истинно описывающее историю нашей Церкви, ее нынешнее и будущее состояние. Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел говорит: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы, живые, непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» (4: 10-11). Апостол Павел торжественно, радостно, победно свидетельствует об этом, и мы с ним вместе тоже свидетельствуем перед будущим, прошлым и настоящим нашей Церкви: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем; всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор 4: 8-10). «Нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор 6:8-10). И как гимн радости, как песнь победы и веры, звучат слова апостола Павла, и мы, православные, повторяем их: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?... Все сие преодолеваем силой Возлюбившего нас» (Рим 8: 35-37), ибо вера наша воистину православная! Аминь.

Четвертая пастырь в N 24

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (август 1991 года)

Проповедь

(АВГУСТ 1991 ГОДА)

* НАЧАЛО ГОДОВОГО ЦИКЛА ПРОПОВЕДЕЙ ВО ВЛАДИМИРСКОМ СОБОРЕ Б. СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ СМ. В ЖУРНАЛЕ «ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА», № ?, 1992.9 **АВГУСТА. СЛОВО НА УТРАНЕ (Лк 21: 12-19)** Дорогие братья и сестры! Каждый христианин призван нести свой крест. Этот крест и есть символ радости и страдания в этом мире. Каждому

сказано: «Терпением вашим спасайте души ваши». Каждый должен научиться терпеть за правду, за истину. Не просто бездумно терпеть, терпеть неизвестно за что, терпеть просто ради терпения. Мы хорошо знаем, что терпеть нужно так, как Господь нас научил. А Господь терпел за Божию Правду, за исполнение Закона Божьего, и за Истину Божию. Братья и сестры, каждый из нас таким образом призывается ко свидетельству. «Будет же это вам для свидетельства». А свидетельство это есть мученичество. Нельзя свидетельствовать в этом мире о Христе, не претерпевая гонений и мучений внешних или внутренних, тех или иных. Кто думает, что он может триумфально свидетельствовать в этом мире, собирая десятки и сотни тысяч людей на стадионах и перед телевизионными экранами, тот плохо знает Слово Божие и плохо его исполняет. Почему нам бывают скучны нынешние свидетельства многих евангелистов, которые именно таким образом свидетельствуют? Да потому, что мы видим, что эти свидетельства расходятся по духу, я не говорю уже о формах, со Словом Божиим. В них нет той соли, того света, которые мы ждем от каждого живого свидетельства во Христе и о Христе. Мир сей свидетельства живого не принимает. Он лежит во зле. Так было, есть и будет до конца истории. Но часто, не желая быть легкомысленными свидетелями, которыми сейчас, увы, наполняется наш мир, мы вовсе отказываемся от свидетельства, боимся его. Боимся не жизнь потерять — вообще боимся, боимся проявить свою веру перед людьми, перед недоброжелателями. Как только мы чувствуем, что вокруг нас люди, по нашему разумению, неспособные нас понять, мы уходим в себя, как улитки, и перестаем свидетельствовать, забывая о дерзновении во Христе, забывая и о том терпении, которое нужно для такого свидетельства. В Евангелии сказано: «Преданы будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят». Мы знаем, что и близкие наши, на которых мы были готовы положиться, которых мы считали друзьями, братьями, которых мы считали самыми близкими, бывают готовы отвернуться от нас, предать Истину, предать Церковь, а покуда мы в этой Церкви, то — и нас с вами. Но мы почти не испытываем гонений за Христа в своей жизни, хотя знаем, что буквально совсем недавно люди испытывали эти гонения. Наша эпоха подобна древней эпохе мучеников. Наша эпоха требует того же дерзновения в свидетельстве о Христе. И поэтому нам снова, как много веков назад, еще в доконстантиновский период, надо обратить внимание на истинных свидетелей Слова Божьего и «подражать вере их, взирая на кончину жизни их». Таких свидетелей было много в первый период христианской истории. Были они и потом. Никогда не случалось так, чтобы не было свидетелей и мучеников у Христа. Но в наше время, в послеконстантиновский период, в церковной истории особенно возросло число свидетелей и мучеников. Вы думаете, их сейчас нет? Они есть. Только, как положено свидетелям, они свидетельствуют не о себе, а о Христе. И поэтому их узнать, увидеть не просто. Ведь нужно и в этом случае иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Братья и сестры, Господь и нас призывает в свидетели. Он призывает нас к тому, чтобы не бояться ни предательства, ни гонений, ни страданий, помня, что радость наша велика будет на небесах, которые отверзаются нам уже в этой жизни и в этом мире. Аминь.

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ. СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры! Сегодня мы чтим, прославляем молитвенно великого угодника Божьего, великомученика и целителя Пантелеимона. Этот святой почитается во всем православном мире и вообще в христианском мире, потому что он принадлежит по времени своей жизни к неразделенной Церкви. Он жил в конце III — начале IV веков. И почитают этого святого во всем мире прежде всего как целителя. Вот и на иконе, которую вы видите, он изображен с ящичком и ложечкой в руках, как бы дающим лекарство, продолжающим и сейчас делать то, что делал при жизни. А был он безмездным врачом, т. е. врачом, который не брал платы за лечение. Он исцелил множество людей. И так уж повелось, что и сейчас к нему обращаются с молитвами о своих немощах — физических, телесных, просят его помочь и смотрят на этот ящичек с лекарствами, который он протягивает нам из сияющего Божьего мира. Но, братья и сестры, нам нужно всегда еще помнить и о том, что не только с телесными недугами мы можем

прибегать к святому угоднику, великомученику и целителю Пантелеимону. Нам нужно вспомнить, хотя бы в нескольких словах, его жизнь, чтобы понять и прочувствовать глубже, чего именно мы можем у него просить. Родители Пантелеимона разделились — отец был неверующим, а мать была христианкой. Она всегда молилась за него и очень хотела воспитывать сына в вере, в Церкви, но не смогла этого сделать, ибо рано умерла. Юноша, хотя и вырос без церковного учения, имел хорошее по тому времени образование — медицинское образование. Однажды Пантелеимон услышал призыв Божий через некоего христианского пресвитера, мимо которого он проходил каждый день. Этот пресвитер увидел в нем отпечаток Божьего призвания, и поэтому дерзновенно призвал его к себе и стал проповедовать ему. Вы знаете, что тогда, в конце III века, за проповедь Христа казнили так же, как и за принадлежность к Нему. Пресвитер не убоился и был вознагражден сторицей, потому что юноша удивительным образом вслушался в его слова, принял проповедь и стал ревностным христианином. Вот тогда он и начал исцелять людей, исцелять, конечно, не столько лекарствами, сколько молитвою и благодатью. И именно за это безмездное целительство он был предан, потому что нашлись завистники, которые, не стерпев такой славы святого и славы Христа, предали его императору, сказав, что он исцеляет христиан, заточенных за свою веру. Естественно, что его самого ввергли в темницу, пытали, требуя отречения, и в конце концов казнили. Предание говорит о страшных пытках, которые он переносил. Эти пытки даже не укладываются в современное сознание — так они были невероятно разнообразны. В конце концов его бросили к зверям в цирке. Житие сообщает, что звери отступили от него, избитого, окровавленного, а львы даже лизали ему руки, как бы чувствуя в нем ту славу Божию, славу первозданного Адама, который находится вне мирского зла и греха благодатью Божией. Мученик был обезглавлен. Воины, казнившие его, потрясенные, преклонились перед «силой Бога христианского», как они говорили. И мы знаем, что этот мученик прославлен у Бога прежде всего за свое свидетельство Истины, за свидетельство благодати. В нем Царствие Божие исполнилось в силе. И это позволяет нам, обращаясь к нему в молитве, просить об исцелении не только своих немощей телесных, но и немощей своего духа, немощей своей веры, потому что мы очень часто, живя отнюдь не в таких тяжелейших условиях, не можем по-настоящему свидетельствовать о Христе. Будем же просить о духовном больше, чем о телесном. Аминь.

10 АВГУСТА. СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ О. ПАВЛА ВИШНЕВСКОГО

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, что означают слова Девы Марии: «Возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем»? Исповедание Христа Спасителем — это суть нашей веры. Кому нужен Спаситель? Тому человеку, который сознает свою гибель. Кто не сознает своей гибели от грехов, тому и Спаситель не нужен. К сожалению, в нынешнее время широко распространено странное явление — христианство без Христа. Миллионы людей считают себя христианами, а спастись им, по их мнению, не от чего, Христос им, по сути-то, и не нужен. Многие об этом не думают вообще, другие же в такой самоуверенности говорят: «В какие мы грехи впадаем? Да фактически ни в какие. Мы безгрешные, для чего нам Спаситель?» Такие люди напоминают человека, хорошо плавающего в воде или лежащего на берегу, — он не нуждается в спасателях. Только тот, кто провалился под лед, тот кричит, тот вопиет, тому нужно спасение, тому нужен спасатель. То же самое и человек, который не видит своих грехов, — он не нуждается в спасении абсолютно. Святые же, такие как преподобный Ефрем Сирий, о чем просили? «Господи, даруй мне зрети мои согрешения». Вот первый из даров Божиих — дар видения своих грехов. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит: «То велико, когда человек увидит свои грехи, бесчисленные, как песок морской». Это есть начало спасения. Как во всем нужно начинать сначала, так и человек должен прежде всего увидеть свои грехи. Казалось бы, — святые люди, о чем больше всего рыдали? О грехах своих. Даже если их не было. Фактически они оплакивали возможность своего падения в грехе. И Андрей Критский, великий святой, говорил: «Откуда начну оплакивать мои прегрешения?» Он описывает их все в своем покаянном каноне: «Я и такой, я и сякой, я везде виноват, я кругом виноват». Свою вину

святые показывали пред Богом. И Господь их оправдывал. Видящий тайное, Он воздавал им явно. И мы, братья и сестры, должны видеть свои грехи. Как говорит святой пророк Давид, «грех мой предо мною есть выну», то есть всегда пред очами своими человек должен видеть свой грех. Опытные духовники говорят: «Надо видеть свой основной грех и в первую очередь начать с ним борьбу». Другие же говорят, что если из Десяти заповедей человек возьмет самую малейшую — «не пожелай ничего чужого» и начнет эту заповедь исполнять, то он увидит, что его человеческих сил недостаточно, увидит, насколько глубоко падение человеческой природы, насколько она искажена грехом. Вот тогда человек начинает исполнять заповеди. Тогда он видит, что ему нужна божественная помощь, нужна действительно та сила, которой действует Христос. И в этом сотворчестве с Богом, в этой синергии, в сотрудничестве и создается наша богозданная христианская личность. Мы носим в себе образ и подобие Божие, как раскаленное золото в глиняном горшке нашего тела. Жизнь человеческая — временна, она, как цветы увядающие, бросаемые в огонь. И наша жизнь — как пар, как некое сновидение. Иоанн Дамаскин так и говорил: «Что жизнь наша? Тень и сон». Но посреди этой, казалось бы, печальной равнины постепенного умирания, Христос дает сияние вечной жизни, блистающие цветы. Евангелист говорит, что праведники воссияют в Царствии Отца Небесного, как солнце. И эту грядущую славу Господь нам не являет сейчас, чтобы мы не возгордились. Что сделали апостолы, когда они пошли за Христом? Они сказали: «Господи, мы все оставили и вслед Тебе идем». Что они оставили? Они оставили не только свою греховность, но и свою мнимую праведность. Потому что если человек начинает считать себя праведным, он может впасть в фарисейство. Маленькая гордынька, проклюнувшись, начинает расти. В чем фарисеи были низложены дьяволом? В том, что они считали себя праведными. Но Господь говорит ученикам: «Если ваша праведность не превзойдет праведности фарисеев и книжников, не войдете в Царствие Небесное». Действительно, то, что в заповедях и в Евангелии Господь дает нам исполнять, мы обязаны исполнять, но отношение к этому должно быть очень кроткое и смиренное. «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». И вот человек, кроткий и смиренный сердцем, исполняет все. Он относится к себе, как к рабу неключимому. Раб неключимый — это тот, который, когда ему сказали, даже рукой не пошевелинул, чтобы пойти что-то сделать. И только считая себя такими ничего не значащими, ничего не делающими, мы проходим путь спасения. Наиболее образно мы видим, как святые старцы наставляют своих учеников. Они их буквально натаскивают, тренируют. Какой-то ученик возроптал, и старец сказал ему: «Иди на кладбище и начни ругать тех, которые там покоятся». Тот, исполняя его волю, пошел и действительно ругал тех, находящихся на кладбище, за то, что они основали монастырь, где и вода далеко, и ее тяжело носить. Вернувшись, ученик сказал: «Они молчат, ничего не отвечают». Тогда старец говорит: «Пойди и похвали их». И он пошел и стал хвалить, мол, какой все-таки прекрасный монастырь, какое место хорошее — тишина, покой ... Вернувшись, он опять говорит: «Молчат». И старец ему сказал: «И ты поступай так же: ругают ли тебя, хвалят ли — молчи. Зная свою греховность, перед Богом стой». Чада Божии действительно идут за Господом так же, как апостолы. Маленький крест или средненький — человек должен до конца дней своих его нести и так, чтобы не упасть, не поскользнуться. Христиане должны иметь смирение. И этому смирению Господь учит в таинствах церковных. В исповеди человек кается, душу свою освобождает от грехов, потому что любой грех — большой или маленький — есть убийство, есть разрушение нашей жизни, разрушение жизни всех окружающих нас людей. И вот от этого смертного, дьявольского убийства — поистине дьявольского, потому что лестью дьявольской человек низвержен в грехи, — мы избавляемся, проходя путь послушания Христу, нуждаясь в Нем, нуждаясь в божественной помощи. Пресвятая Богородица, Чей образ мы почитаем ныне, говорит: «Я раба Господня». Это означает, что, всецело предавая себя воле Божией, мы должны идти этим узким путем, путем трудным, путем прискорбным. «Не бойтесь, малое стадо, — говорит Господь, — Я посылаю вас, как овец среди волков». И волки нам не вредят. Почему? Потому что Христос с теми, кого Он называет чадами. Мы уже не наемники, не рабы, не какие-то чужие Господу, но дети Господни,

и Своих детей Господь бережет. Но мы должны иметь ответственную любовь ко Христу, Который возлюбил нас прежде нашего творения. И эта ответственная любовь служит основанием нашего смирения, нашего покаянного чувства, нашего плача пред Господом о том, чтобы Господь дал нам понимание, что мы действительно имеем Спасителя. Спаситель — величайшее утешение для человека. И всегда, взирая на Его образ, на образ Пресвятой Богородицы, мы должны помнить, что Сам Господь обещал нам быть посреди нас там, где даже только двое или трое соберутся во имя Его. Но и мы должны со смирением припадать к покаянию, зовуще из глубины души. Эти чувства взаимные, Господь милует нас, мы просим этой милости и получаем ее. Братья и сестры! Одна из величайших святынь Руси — Смоленская икона Божьей Матери. С ней связано очень много в нашей истории, в истории нашего града. Не будем забывать, что в труднейшие времена эта икона была принесена в Москву, долго была в Москве и потом вернулась на свое место, как бы распространяя победу над неверием, над нечестием на всю страну. Я вас поздравляю с этим праздником. Брат Александр расскажет вам об этой иконе.

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры! Смоленская икона Пресвятой Богородицы — древняя, почитаемая наша святыня. В XI веке, по преданию, она попала на Русь с греческой царевной, выданной замуж за русского князя, и с тех пор пребывает в России. Икона путешествовала по разным городам. Вначале она попала в Чернигов, затем в Смоленск, где и было ее основное пребывание, затем в Москву, но всегда возвращалась в свой город. В конце XV века Смоленск вошел в Литовское княжество и лишь спустя много лет вернулся в состав России. И, видимо, тогда подлинная икона, — тот древний, чтимый образ, — исчезла. С тех пор на Руси существуют лишь многочисленные списки этой иконы. Но силу Свою Богородица являет в каждом Своем образе тем, кто с любовью к нему припадает. Название его — Одигитрия, т. е. путеводительница. Долгое время считалось и сейчас многими считается, что дано оно потому, что тогда, в XI веке, из Византии пришла эта икона сюда, как бы показывая путь царевне Анне. Но если говорить более точно, то нужно вспомнить, что в Константинополе был монастырь Одигон, где стояла икона Богородицы, и выходящие в путь из города молились перед ней. Особенно почитали икону воины. Когда войско императора возвращалось из победного похода, на колеснице, как триумфатора, везли икону Богородицы-Одигитрии, а император-победитель шел за ней пешком. Братья и сестры, конечно, нам нужно знать не только историю этого образа — его появления, его существования на нашей земле и в других землях. Богородица-путеводительница указывает путь ко Христу, а Он есть Путь, Истина и Жизнь. И вот удивительное превращение: Она не просто показывает этот путь, Она в него ведет, Она помогает идти. Она, кротчайшая и тишайшая, оказывается на этом пути помощницей, т. е. воительницей. И не случайно воины прибегали к Ней. Собственно, все мы как воины Христа можем искать этого заступничества, помощи у Нее — Одигитрии. И вот что еще нужно нам помнить: тот, кто тих, как Она, кто имеет этот же мирный дух, тот может воинствовать гораздо лучше, тому победа дается больше. Апостол Павел говорит: «Если мы воинствуем, то ради Бога, если кротки, то для вас». Пусть же образ Богородицы-Одигитрии, величественный образ, как вы видите на самой иконе, один из самых торжественных образов Богоматери, где Она, как царица, смотрит прямо на нас и Младенца Своего являет нам, держа Его на руке, пусть этот образ нам напоминает, что воинствовать можно только ради Христа. А для других надо быть всегда тихим. Пусть этот образ нам всегда сопутствует, давая победу во славу Божию и Церкви. Аминь.

СЛОВО О. ГЕОРГИЯ ПОСЛЕ ПАНИХИДЫ Дорогие братья и сестры! Я хотел бы обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Совсем не случайно в Церкви существует неизменная древняя традиция — во время заупокойных молитв-поминовений облачаться в светлые одежды, лучше всего в белые. И также не случайно мы сейчас совершили панихиду перед иконой Воскресения Христова, пасхальной иконой. Одно с другим связано, братья и сестры. Вы знаете,

что Пасха — день радости. Пасха — знак победы жизни над смертью. Оттого мы и поем: «Надгробное рыдание творяще в песнь: Аллилуиа», т. е. в радостную песнь. И это наше с вами рыдание, эта молитва, исполненная воспоминаний, исполненная грусти, должна непременно обратиться в радость, если есть в нашем сердце хотя бы горчичное зерно веры, если мы с вами действительно любим Бога, Отца нашего Небесного, и посланного Им Иисуса Христа, если действительно мы верим в то, что всякий человек, о котором мы молимся и который не был противником Богу, способен обрести в сердце своем жизнь вечную. Мы должны пронести эту святую веру в Бога и в человека через всю нашу жизнь на земле. Мы должны открыть в своей жизни веру — ради чего и существует все, что есть в церкви. И мы должны распространить эту веру и на усопших даже тогда, когда, может быть, вспоминается и что-то тревожащее, волнующее или расстраивающее нас. И тогда мы должны дать залог веры и любви. В молитве к Богу мы должны принести эту любовь в ответ на всякое благое слово, дело, помышление того человека, которого мы поминаем. Братья и сестры, пусть и ваши сердца облачатся в белые ризы, чтобы вы предстали пред Богом святыми молитвенниками. Аминь.

17 АВГУСТА. СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы с вами поминали и прославляли всех святых Церкви Божией. И вы хорошо знаете, дорогие братья и сестры, что у Господа святые и живы все те, кто приобщен к Нему. Действительно, святые и живы у Господа и не умирают те, кто отошел от земли, от жизни сей. Воистину живы и святые те, кто живет по-божески и по-человечески в этой жизни, кто реально является членом Церкви Божией. Как же, дорогие братья и сестры, нам с вами эту святость стяжать, обрести и не терять, возрастая в ней? Ведь мера освящения не может быть превзойдена нами в этой жизни. Господь все более и более освящает святых Своих, поэтому и говорит святой апостол Павел, что на небосклоне бывают и звезды разной величины, и одна от другой разнится во славе, в сиянии, в свете благодати, которая живет в нас. Братья и сестры, что же нам все-таки нужно для того, чтобы эту святость стяжать и не потерять? Действительно, нам нужно стать воинами Христа, Бога нашего. Нам всем нужно помнить, что мы — иноки. Каждый христианин дает обеты иночества, когда он принимает Крещение. Если это взрослый человек, то он это делает сам, если же человек был крещен младенцем, то он подтверждает, став взрослым, свои обеты Крещения, в первый раз приходя на исповедь, на причастие, научившись основам христианской веры. Он лично дает обещание Богу жить по доброй совести, по заповедям Божиим, соблюдать все, что заповедал Господь наш Иисус Христос, учениками Которого мы все являемся. Это иночество принадлежит, подчеркиваю, всем. Оно составляет суть нашего братства. Наше братство стремится быть братством иноков, тех людей, которые живут не от мира сего, хотя и в мире сем, не убегая из мира, как и заповедал нам Господь. А если мы и уходим от мира, то от того мира, который есть «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская». Господь говорил: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла». Об этом и мы молим Господа — чтобы не взял Он нас от мира, но чтобы сохранил от зла и греха в этом мире. Но для того, чтобы сохраниться, нам нужно быть вместе, дорогие братья и сестры, поддерживать друг друга ежедневно молитвенно, духовно, в памяти своей. И конечно, делом, когда это требуется. Для того же, чтобы поддержать друг друга делом, надо иметь смирение. Надо иметь смирение для того, чтобы попросить помощи, и надо иметь смирение для того, чтобы отложить свои, всегда архиважные, дела ради другого. Нужно уметь увидеть, что другой человек никак не менее важен перед лицом Божиим и Церкви. Если кому-то становится трудно в этой жизни, кому-то становится плохо здесь, то он требует помощи. Мы с вами знаем закон церковной жизни: сегодня тебе может быть плохо, и тебе помогут твои братья и сестры во Христе, но завтра ты будешь силен и поможешь другим, тем, которые, может быть, вчера имели избыток силы в сердце своем, чтобы помогать тебе. Держась вместе, мы можем пройти тот путь, который надлежит проходить Церкви Божией здесь, на земле. Каждый на своем месте, каждый своим делом служит Богу, Церкви, ближним, близким и дальним. Даже врагам своим надо уметь служить так, чтобы они пришли ко Господу, так,

чтобы они обратились ко Христу, пришли в Церковь, став нашими братьями и сестрами. Ни от одного человека в мире мы не имеем права отвращаться до конца. Иногда приходится отвращаться временно, по недостатку наших сил. Да, увы, так бывает. Но сказать, что ты мне в конец не нужен, мы не можем ни одному человеку в мире, какой бы он ни был веры, какой бы он ни был жизни, нравимся мы ему или не нравимся, нравится он нам или не нравится, потому что он тоже чадо Божие, он тоже живая икона Божия, и может быть, ему требуется еще более срочная и существенная помощь, чем нам. Братья и сестры, сегодня мы с вами начинаем собрание нашего братства. Сегодня уже часть братства, слава Богу, собралась здесь, и я надеюсь, что мы сможем действительно сделать шаг вперед, для того чтобы исполнить то, о чем мы говорим, то, во что мы верим, то, что мы любим, чтобы жизнь наша во Христе исполнялась, чтобы служение наше Богу, ближним, Церкви Божией также исполнялось, чтобы не был презираем никто на земле, ни один из малых сих. Братья и сестры, трудно нести крест Христовой любви. И поэтому мы отрываемся от всех своих дел, от всех своих забот, чтобы напитаться силой Духа, для того чтобы эта сила не оскудела в нас. Будем держать свое сердце открытым даже тогда, дорогие братья и сестры, когда нам грозит опасность, даже тогда, когда мы не уверены, что тот человек, перед которым мы открылись, будет достойно вести себя с нами. Будем снова и снова учиться всему, что повелел Господь, и прощать врагов, и нести мир и свет людям, потому что, уча других, неся людям добро, мы сами обретаем любовь, добро и благодать. Что может быть выше христианского призвания? Что может быть счастливее жизни христианина? И чем тяжелее крест несет человек, тем он более счастлив, тем больше в нем радости и мира в Духе Святом, а значит, тем более в человеке раскрывается Небесное Царство, то Царство Божие, которое начинается здесь, в нашей земной жизни. Аминь. **СЛОВО ПЕРЕД МОЛЕБНОМ НА ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА**

ПРЕОБРАЖЕНСКО-СРЕТЕНСКОГО БРАТСТВА Дорогие братья и сестры! Сегодня у нас в гостях иеромонах Кирилл (Сахаров), один из руководителей общецерковного движения братств. Совсем недавно прошел съезд православных братств. О. Кирилл избран председателем Союза православных братств, и мы рады сегодня на втором собрании нашего братства (первое состоялось в прошлом году, тоже на Преображение) приветствовать о. Кирилла. А теперь мы с вами, как всегда перед началом всякого благого дела, совершим молебен о призывании помощи, благодати Духа Святого. **СЛОВО ПОСЛЕ МОЛЕБНА** Дорогие братья и сестры!

Каждому верующему предстоит со страхом совершать свое спасение. Получив это спасение, надо его снова искать и получать, потому что совершенству в этом нет предела. Нам нужно сиять, как те светильники, в мире, в котором мы живем, чтобы мир знал, что мы христиане не по внешним одеждам, не по внешним признакам, не потому, что у нас так или иначе устроен наш быт, а потому, что свет и добро струятся через все одежды верующих во Христа. Братья и сестры, нам часто этого не хватает. Действительно, мы понимаем, что нет-нет, да и зажженный было свет вдруг начинает тухнуть, и тогда искушения и даже грехи посещают нас. Всякий раз в таком случае надо каяться, и всякий раз нужно просить Господа, чтобы Он по милости Своей простил нас и дал нам силы для исправления. Мы с вами должны думать не только о себе. Мы ведь члены Церкви. Мы собираем со Христом, а не расточаем. Это забота каждого из нас. Вспомним Евангелие: «Кто не собирает со Христом, тот расточает». Кто заботится только о себе, тот еще лишь на подступах к христианству, к христианской жизни. Братья и сестры, Господь говорит Своим ученикам: «Ищите!», т. е. продолжайте искать всю жизнь и Бога, и Церковь, и себя, и друг друга. «Стучите, и отворят вам». Никогда не думайте, что само собою что-то происходит в этом мире. В этом мире «дьявол с Богом борется». Церковь в этом мире воинствует. И поэтому нам следует всегда стучать, чтобы получить то, что нам надо. «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Величайшее обетование Божие заключено в этих словах Евангелия. Оно оправдано всем опытом нашей жизни. Действительно, если человек может подвести, то Бог подвести не может. Если мы иногда делаем по своей человеческой природе добро, делаем добро другим, то тем более получим благодать от Бога, благодать и благословение Божии, если мы их будем просить у Него. Братья и сестры, нам

предстоит очень большое дело, настолько большое, что невозможно терять ни одного дня, даже часа своей жизни. И поэтому приходится иногда нам с вами оставлять вещи полезные и нужные, и по-своему добрые, но менее важные, чем то, что требует от нас Господь. Не будем об этом жалеть. Чтобы обрести драгоценнейшую жемчужину Царства Небесного, приходится продавать другой жемчуг, остальные ценности, которыми живут люди в мире сем. Не будем их осуждать, будем их призывать, как и себя, к этой жертвенности, ибо без жертвенности нет любви, без любви нет и веры, без веры нет спасения. Братья и сестры, пусть же раскроется дар Веры, Надежды, Любви, Свободы и Духа в каждом из нас, во всем нашем братстве! Аминь.

И ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СОБРАНИЯ БРАТСТВА Дорогие братья и сестры! Началось наше собрание, началось оно, естественно, с молитвы. Я рад, что все вы пришли в храм к самому началу нашей встречи. Сегодня — первый день из трех, и он, конечно, будет у нас подготовительный. Я бы очень хотел, чтобы вы нашли какие-то возможности не сразу расходиться перед вечерним богослужением. Конечно, вам всем нужно и что-то поесть, но здесь, слава Богу, такой район, где легко это сделать, — и у метро «Кировская», и на Сретенке, и на Рождественском бульваре. Хорошо бы, чтобы вы смогли сегодня немножечко побольше познакомиться друг с другом, потому что и члены братства, поскольку оно возрастает, могут не знать всех по имени. В братстве надо знать друг друга лучше. Это самое главное. Может быть, какое-то общее дело и общая трапеза этому будет способствовать. Сегодня у нас не будет общей братской трапезы, она будет завтра и послезавтра, и мы очень надеемся на вашу помощь, потому что собрать большой стол на всех, конечно, в наших нынешних условиях не просто, тем более, что у нас есть только помещение, столы и стулья — больше ничего. Сегодня, особенно для тех, кто приехал из других городов, кто прежде, может быть, не был здесь, мы смогли бы организовать небольшую экскурсию по другим храмам, которые открывались силами, усердием общин нашего братства, — и храм Успения Богородицы в Печатниках, и Рождественский собор Рождественского монастыря, и храм Феодора Студита у Никитских ворот. Правда, нужна будет помощь во Дворце пионеров, который нам удалось снять на два дня — на завтра и послезавтра, где мы с вами будем проводить время между богослужениями. Там нужна будет помощь в организации того пространства, которое, как вы понимаете, организовывалось в последние десятилетия не совсем для нас. Нам что-то нужно там будет поменять так, чтобы это стало приемлемым сейчас для всех.

А сейчас слово о Кириллу.

СЛОВО О. КИРИЛЛА (САХАРОВА) Я сердечно приветствую о. Георгия и всех вас, дорогие братья и сестры, в этот день, когда начинается ваш съезд, ваше общение! Святой апостол Павел говорит: «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе». Если мы рассмотрим внимательно нашу жизнь, то мы увидим в ней бесчисленное число поводов для благодарности Богу. В самом деле, мы обязаны Господу всем, как говорится, и каждым куском хлеба, и каждым глотком воздуха. За все это мы должны быть благодарными Ему, но более всего, братья и сестры, мы должны быть благодарными Ему за искупление нас от греха, проклятия и смерти, которое совершилось на кресте, где ради каждого из нас Господь претерпел величайшее страдание, пролил кровь Свою честную, чтобы открыть нам вход в Царствие Божие. Нам нужно быть благодарными Господу, не только когда успех сопутствует нам, не только когда мы получаем радость, но и в неудачах, не только в здравии, но и в болезнях, не только в радости, но и в скорбях. За все мы должны быть благодарными Ему. И благодарность прежде всего должна быть в нашем сердце и в наших устах, а потом уже — наши прошения ко Господу о наших нуждах. И в наше время, время сложное, очень важно это братское движение, которое объединяет наиболее активных людей, которые стремятся усердно потрудиться во славу Божию, во славу Церкви Божией. Я с большой радостью посещаю это ваше собрание и буду присутствовать, по возможности, на вашем общении, чтобы как-то и самому обогатиться духовно, обменяться опытом и ближе с вами познакомиться — не понаслышке, не по словам, а непосредственно, лицом к лицу. И я от всей души, от всего сердца желаю вам, братья и сестры, вместе с вашим духовным отцом — о. Георгием — помощи Божией в стремлении создать настоящую общину. Лично мне очень близко это стремление, хотя я

(прошу прощения, что немного скажу о себе) воспитывался и пришел в Церковь, будучи затронут сердцем церковным благолепием, этой православной церковностью. Вот таким образом я пришел ко Господу. Конечно, сколько людей, столько и путей к Богу. Господь разными путями призывает к Себе человека. Моя жизнь сложилась так, что я шел в направлении, образно говоря, кованного византизма. Но может быть, под влиянием общения с вами, как-то подтакает эта некая излишняя скованность, в каком-то смысле даже затворничество. В то же время мне всегда было близко и стремление к живой общине. Вот, допустим, проповедь. Мне очень импонирует, что в вашей общине это неотъемлемый элемент. Это очень важно. Я с первых дней своего священничества, даже еще будучи дьяконом, и еще раньше — будучи послушником в монастыре, имел такое стремление, тягу благовествовать Слово Божие. Я всегда к этому стремился. Для меня это постоянное правило в моем священническом служении. Или, допустим, стремление к настоящей, глубокой исповеди, потому что покаяние — это основа духовной жизни. Не будет покаяния — не будет и духовного фундамента всей духовной жизни. И поэтому мне импонирует, что в вашей общине таинству исповеди уделяется столь важное и серьезное внимание. Ну, и вообще понятие «литургии после литургии», когда не только стенами храма ограничивается общение православных верующих, общение только за богослужением и требоисполнением, но есть еще и живая жизнь, живое общение, социальное служение, в котором так нуждается окружающий нас мир. Это все тоже очень важно, это все неотъемлемые элементы настоящей, живой православной общины. И конечно же, любовь, объединяющая членов общины, членов братства, должна прежде всего быть тем скрепляющим началом, которое все соединяет. И именно в этой живой братской любви заключается успех деятельности братства. Конечно же, посещая ваш храм, присутствуя за богослужением и участвуя в совершении этого молебна о призывании Духа Святого на всякое доброе дело, я увидел многое для меня новое, может быть, необычное. Скажу откровенно, что до сего времени я почему-то больше слышал негативного о вашей деятельности, о жизни вашей общины. Но наученный жизнью, имея некоторый опыт, я не привык верить на слово, верить слухам, и вот посещение вашей общины и вашего братского съезда позволило непосредственно познакомиться с вами, пообщаться и сделать для себя какие-то выводы. Но в любом случае, как бы там ни было, какие бы ни были шероховатости, может быть, даже спорные моменты, мне глубоко импонирует, чисто по-человечески, стремление подойти серьезно, глубоко и живо к церковной жизни. И это стремление мне очень симпатично. Я пожелал бы помощи Божией в вашем стремлении создать живую православную общину. И моя молитва о том, чтобы не только успех вам сопутствовал в этом, но чтобы еще Господь, по молитвам Своей Пречистой Матери и всех святых угодников Божиих, оградил вас на этом, в общем благом пути, от каких-то ложных шагов. А для этого необходимо соборное обсуждение, соборный подход, разумение этих вопросов. И пусть Господь помогает вам. Будем общаться, будем сотрудничать. Наша общая цель — благо Церкви Божией, благо народа Божьего, чтобы как можно больше людей, живущих в нашей стране, приобщились к живительному источнику православной духовности. И, несомненно, если наше стремление будет подлинным, искренним, живым, деятельным, то Господь непременно поможет нам. Аминь.

СЛОВО О. ГЕОРГИЯ Мы очень рады тому, что во всем том, о чем Вы, о. Кирилл, сказали, мы, бесспорно, единомысленны. Мы говорим «аминь» действительно от всего сердца. Очень надеемся, что, насколько достанет Ваших возможностей, Вы будете эти три дня с нами, что мы будем совершать вместе Евхаристию. И всегда просим Ваших молитв и вот такого живого отношения ко всему, даже спорному, в нашей жизни.

СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ ПОСЛЕ ПАРИМИИ (Исх 12: 11) Дорогие братья и сестры! Сейчас у нас с вами праздник, и праздник этот — малая Пасха, праздник Воскресения Христова. И в то же время этот воскресный день совпадает с предпразднеством Преображения Господня, а праздник Преображения собрал все наше братство здесь, в этом храме. Братья и сестры, мы слышали сейчас знаменитые стихи об установлении ветхозаветной Пасхи, и всем вам, конечно, понятно, что Агнец, Который в Ветхом завете прообразовал союз с Богом, — это единый для нас Агнец — Христос. Действительно, Он закалается и как бы

пожирается в этом мире, чтобы воскреснуть в мире Божиим, в мире ином. Господь воскрес и постоянно воскресает в нас, в каждом человеке, приходящем к Нему, когда возрождается человек духовно, когда он рождается свыше, от воды и Духа. И мы с вами знаем, что это рождение, совершившись однажды, также продолжает совершаться всю жизнь. И когда оно совершается, тогда раскрывается сила Божия в нас, открывается свет Божий в нас, и это называется Преображением. Выше, сильнее этой налитанности божественным нетварным светом, этой энергией нет ничего, ибо это есть дух Любви, Власти Божией, Силы Божией. Эта энергия преображает нас с вами, делает нас единым телом во Христе. Никто из нас уже не потерян и никогда не потеряется для Бога и для ближних, никто из нас не будет погран смертью до конца, хотя нас ждут многие испытания и искушения. Мы слышали сегодня отрывок из Ветхого завета о том, как нам следует праздновать Пасху, как нужно проходить путь Преображения, путь на Фавор. «Пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью: это — Пасха Господня». Вспомните также слова Христовы из Евангелия. Господь сказал: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи». И мы с вами не должны об этом забывать. Каждый, кто несет в себе Божий свет, кто отвергает себя и, взяв крест свой, следует за Христом, пусть имеет препоясанными чресла, пусть никогда не забывает поправлять свои светильники. Пусть у каждого в сердце будет и это благодатное масло — помазание Духа Святого, чтобы нам вместе, единым братством, единой Церковью дойти до цели. Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ**

Я приветствую всех вас, дорогие братья и сестры, пришедших на собрание нашего братства, и радуюсь тому, что, наверное, все вы или почти все готовитесь завтра и послезавтра к причастию Святых Христовых Таинств, готовитесь послужить Богу, как истинные цари и истинные священники Бога живого, не те цари или священники, которые иногда восхищают себе этот венец, а подлинные цари, которые коронованы Богом, подлинные священники, которые поставлены Самим Христом. Братья и сестры, мы, приобщаясь ко Христу, приобщаемся и к Его служению, поэтому сколь нам нужно быть чистыми и непорочными в этом мире, чтобы Свет Христов через Церковь Его просвещал всех! Братья и сестры, не будем полагать никому преткновения, чтобы ни один человек не соблазнился на пути ко Христу. Пусть каждый имеет пример, пусть каждый, придя в Церковь Божию, получит то, что ищет, пусть каждый обретет Бога во Христе и через Христа, пусть каждый получит дар Святого Духа и служит им. Сейчас мы с вами, через некоторое время, как обычно, совершим исповедь, завтра же в 9 часов — только литургию, потому что завтра же вечером у нас снова будет великая вечерня, а на Преображение в понедельник — утренняя, литургия, крестный ход, освящение плодов и т. д. Программа встречи нашего братства вывешена на дверях храма. Тот, кто не помнит деталей, может прочесть ее. Братья и сестры, сейчас прошу всех вас не рассеиваться, а наоборот, собраться в молитве. Если кому-то нужно выйти на воздух и немножко (10-15 минут) подышать, то пожалуйста, старайтесь сохранить благоговение, которое обретается в храме Божиим, которое обретается в этом святом собрании Церкви Христовой. Прошу вас, братья и сестры, подготовиться к исповеди глубоко, и полностью покаившись во всех своих грехах, приступить завтра к служению. Храни вас всех Господь!

СЛОВО НА ИСПОВЕДИ ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ Дорогие братья и сестры! Конечно же, среди вас девяносто процентов тех, которые причащались неделю назад и прежде тоже причащались регулярно. Поэтому давайте мы сегодня поговорим особым образом. Господь даровал нам это благо сегодня. И я надеюсь, что вместе мы сможем сегодня, не спеша, провести более личную исповедь. Поэтому я ограничусь лишь несколькими словами перед началом этой исповеди. Я, когда шел сегодня в храм, вдруг подумал, как тяжело то, что мы не осознаем, насколько мы далеки от совершенства. Не о том, что мы далеки от совершенства, — это все знают. Но о том, что это перестает нас волновать и мучить, если мы не осознаем, насколько мы далеки от совершенства. Всем нам с вами очень хочется хотя бы немного отойти от простых начал христианской веры и жизни. У каждого человека есть время, чтобы заниматься началом, и у

каждого человека есть время и возможности продвигаться вперед. Очень бы хотелось, чтобы мы, продвигаясь вперед, обретали остроту восприятия истины Господа, чтобы каждое слово Божие, слово Христово жило в нас, чтобы мы чувствовали каждой клеточкой души, тела своего, духа своего то, что Господь сказал нам. И тогда наша жизнь будет быстрее меняться, тогда мы никогда не захотим расхотеться, тогда мы будем знать, каково место недостатков других людей. Мы перестанем осуждать, потому что каждому сможем давать залог любви. «Не будьте никому ничем должны, — говорит апостол, — кроме взаимной любви». Но чтобы, встретившись с любим человеком, нравится он или не нравится нам, иметь возможность дать ему этот залог любви, нужно иметь силу любви внутри себя. Для этого надо возлюбить Господа и ближнего своего. Прости, Господи, нас за то, что мы мало любим. А кто мало любит, тому мало и прощается. Господь может сотворить все. Он может дать нам неограниченные духовные силы уже сейчас, сегодня. Но наша недостаточная любовь препятствует, мы сами боимся того, что произойдет, если Бог свободно сможет жить в нас, в наших сердцах. Мы сами как бы тормозим свое духовное раскрытие. Мы боимся отдать свое сердце Богу до конца, исполнить волю Божию до конца, потому что очень хорошо понимаем, насколько нас это уведет от многого, чем мы живем сегодня, насколько мы станем отличаться от всех других людей, насколько много с нас будет спрашиваться перед Богом, даже если люди будут нами очень довольны. И вот этот страх отдать себя до конца Богу больше всего мешает нам. Может быть, и покаяние наше часто бывает недостаточным, неполным, недейственным, потому что мы боимся изменить свою жизнь. Мы уже согласны рассказывать все о себе Богу и, если надо, священнику и даже друг другу. Мы согласны признаться, исповедаться во всех своих грехах. Но покаяться во всех своих грехах мы часто еще не умеем. Не можем этого еще и потому, что продолжаем сидеть на всех стульях сразу. Братья и сестры, чтобы радость наша была совершенной в эти замечательные праздничные дни собора, нашей общины, нашего братства, всем нам нужно это новое покаяние. Оно нужно, чтобы отбросить все свои подозрения, зависть, лень, расслабленность, уныние, гордость, чтобы отбросить все свое маловерие, свою бездуховность, нежелание давать людям кредит доверия — каждому человеку. Прости нас, Господи, за то, что мы этого не делаем. Прости, Господи, за то, что мы не умеем жить в этом мире, не уходя из этого мира, но жить не от мира сего. Нас все время заносит в крайности. Мы знаем, что должны быть не от мира сего, но так часто нас вообще уносит от дел этого мира, от жизни этого мира. Мы не хотим знать живущих в этом мире, мы уходим от людей. Прости, Господи, этот великий грех. Но с другой стороны, мы иногда так боимся отличиться от мира сего, коли должны быть в этом мире, что забываем, что мы не от мира сего. Прости нас, Господи. И совмещаем эти две крайности с удивительной легкостью. А того, что Господь ждет от нас, не делаем. Дорогие братья и сестры, каждый раз, приходя на исповедь, приступая к таинству покаяния, мы ожидаем от себя и друг от друга одного — того, что наконец-то мы отдадим Богу все свое сердце, перестанем мудрствовать лукаво, перестанем грешить вольно, перестанем раздваиваться в сердце своем. Но каждый раз мы не достигаем до этого. Мы знаем, что этим искушаем Господа и друг друга, что этим разрушается даже то, что уже создано Божией Силою и нашими усилиями, потому что после некоторого прорыва вперед в начале духовной жизни или в какой-то период ее мы часто останавливаемся, топчемся на месте, и дары Духа Святого оказываются в нас бесплодными. Прости нас, Господи. Мы свой талант закапываем в землю, испугавшись, как бы не потерять то, что имеем. Думаем, что коли мы получили — на этом должны остановиться. Нет, братья и сестры, мы не на этом должны останавливаться, мы вообще не должны останавливаться в духовной жизни. Остановиться — значит закопать талант в землю. А что за этим следует — вы все хорошо знаете. Будем молиться, братья и сестры. Будем молиться, всерьез восприняв каждое слово Евангелия, то Слово Божие, которое пишется с большой буквы, которое вообще невыразимо словами человека. Воспримем Христа в свое сердце до конца, уйдем от всех страхов, уйдем от маловерия, уйдем от всего того, что мешает нашей жизни, и простив друг друга, будем просить прощения у Господа. Аминь. **18**

АВГУСТА. СЛОВО НА ВОСКРЕСНОЙ ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ АПОСТОЛА (1 Кор 15: 1-11) Во

имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Какое счастье слышать те слова, которые мы с вами слышали! Сколь блажен человек, который может сказать уверовавшим от него: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали». Действительно, в этом великое счастье апостолов, которые несли слово проповеди в мир. Апостол Павел говорит здесь о том, что он принял веру, веру во Христа, искупившего нас Своею Кровью, умершего, воскресшего и явившегося Своим ученикам живым. Братья и сестры, как проста эта вера, но как много в ней дано нам! Счастливы те из нас, которые могут сказать так же, как апостол Павел, которые могут сказать, что они благовествовали не свое нечто, а то, что приняли от апостолов. Наша Церковь всегда бережно сохраняла апостольское предание, апостольскую веру, апостольскую преемственность в вере и служении, в вере и жизни христианской. К сожалению, нам с вами иногда не хватает смирения, чтобы признаться, что мы не что-то свое говорим — очень оригинальное, очень умное, конечно, самое умное и прекрасное на свете, а то, что мы приняли от верующих людей, бывших прежде нас или старше нас. Нам часто не хватает смирения говорить об этом апостольском предании в Церкви, и мы забываем, что на основании апостолов и пророков зиждется наша Церковь и что вера наша — апостольская. Братья и сестры, мы с вами с радостью слышим то напоминание, которое дал нам апостол Павел. Он как бы и нам сказал то, что мы сейчас услышали. И дай Бог, чтобы среди нас было как можно больше людей, которые потом стали бы повторять его слова своим ученикам, тем, которые приняли ваше слово, которые утвердились в нем, которые им и спасаются. Воистину благодатью Божией мы есть то, что есть. Часто самые недостойные, часто самые грешные первыми входят во врата Небесного Царства. Но не забудем, что мы должны держать апостольскую веру, кто бы нам ее ни проповедовал. Не будем разделяться на партии — я Аполлосов, я Кифин, я Павлов. Не будем думать, что Церковь разделилась, ибо Церковь едина, Христос един. Братья и сестры, будем проповедовать апостольскую веру и будем искать общение со всеми теми, кто ее принял неповрежденно, в ком действует благодать Божия, даже если прежде почитался тот человек извергом. Возрадуемся тому, что дошла от них до нас вера Христова, тому, что она плодоносит и поныне! Аминь.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (Мф 19: 16-26)

Братья и сестры, христиане! Удивительно то место, которое мы сейчас с вами слышали. Оно очень тонко, оно очень требовательно к нам, требовательно в самом высшем, духовном смысле этого слова — не внешнем, не материальном, а именно духовном. Постараемся же сейчас вместе убедиться в этом. Посмотрите, что происходит: приходит некий вполне порядочный, вполне благочестивый юноша и спрашивает Господа: «Учитель Благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» И Господь чувствует, что в этом есть некая формальность, в этом есть некая неполнота и даже некоторая, может быть, ирония. Господь сразу отвечает как бы отказом, Он говорит: «Никто не благ, как только один Бог». Ты ждешь от Меня ответа? Почему же не ищешь прямо у Бога ответа на свой вопрос? «Никто не благ, как только один Бог». Он благой, Он может научить благу, любви. Если бы ты знал это благо, то знал бы и любовь Божию и не задавал бы вопросов о том, как достичь Небесного Царства, как иметь Жизнь вечную. Но далее Господь все-таки смягчился и продолжил Свой ответ юноше, начав с ним разговор издали. «Хочешь войти в Жизнь вечную, — говорит Он вполне в духе Ветхого Завета, — соблюди заповеди». Обращаешься ко Мне, и веришь, что Я, Человек, Сын Человеческий, могу тебе ответить? Сделай только то, что делают все люди, — соблюди заповеди. Спрашивает Его юноша: «Какие?» И Господь называет простейшие из Декалога, из Десятословия Закона Моисеева: «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя». Последняя заповедь уже немного больше того, что в то время разумели из Моисеевых заповедей. Слова о любви к ближнему есть в Ветхом завете, но не в том месте, где Десять заповедей, а отдельно и в весьма сниженном контексте. Они никак не претендуют быть краеугольным камнем ветхозаветной веры и жизни. И юноша, не заметив этого, обрадовался и сказал: «Да все это я уже сохранил: я, конечно, никого не

убил, я, конечно, никогда не прелюбодействовал, никогда не крал, никогда не лгал во свидетельстве своем и почитал отца и мать». Он был молодым и неопытным и плохо понимал, что значит любить ближнего своего, как самого себя. А Иисус говорит далее: «Если ты спросил о Жизни вечной, то спросил о совершенстве. Так, если хочешь стать совершенным, пойди и сделай то, чего нет прямо в заповедях Моисея». Более того, совсем нет — множество мест в Ветхом завете противоречило бы тому, что дальше сказал Господь: «Пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Последователь Господа не тот, кто просто соблюдает заповеди, дорогие братья и сестры. Таких людей множество на земле, вполне порядочных, вполне благочестивых. Последователь Господа — тот, кто исполняет заповедь о совершенстве и достигает Жизни вечной, следуя тем самым за Христом. Последование Христу есть обретение Жизни вечной и совершенства в любви, благодати, милосердии, в нищете духовной, ибо нищета духовная как раз и требует от нас непривязанности ни к чему в этом мире как к своему, она требует от нас устремленности к Богу, к духу познания своей духовной нищеты пред лицом Божиим. Вот тогда-то и понял юноша, что не соблюл он того, что ведет к Жизни вечной, не сделал он того, что сделало бы его совершенным. И не случайно потом мы слышим: «Так Иисус, возрев, говорит уже Своим ученикам: человеку спастись невозможно, Богу это возможно». Кто продолжает по старинке, по ветхой букве думать, что он, соблюдая одно, другое, третье, потихоньку обретет тем самым благодать, милость в очах Божиих, тот ошибается, тот не знает благодати Божией, тот не знает себя, ограниченности своей жизни. Человеку невозможно спастись, невозможно прийти к совершенству, невозможно обрести Жизнь вечную, если не будет с ними Сам Бог. А чтобы был с нами Бог, нам нужно следовать за Христом, умершим за грехи наши, и воскресшим, по Писаниям, и явившимся многим из нас! Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ** Братья и сестры! Как важно для всех нас научиться сохранять это единство, сохранить его навсегда, потому что обретаемая Жизнь вечная не проходит. Сегодня великая радость — продолжается наше собрание братства, и сегодня — его второй день. И так в этом году удивительно устроилось, что Воскресение, сила которого предшествует преобразению жизни в мире, празднуется сегодня, и сегодня же — предпразднование Преображения Господня. Завтра — Преображение. Поэтому сегодня у нас в 6 часов вечера и краткая исповедь, а завтра в 8 часов утра, в 10 литургия, потом освящение плодов, как и положено на Преображение Господне, потому что это не только праздник Духа, это праздник всякого добра и красоты в этом мире, порожденных этим Духом, и поэтому мы освящаем самое красивое, самое прекрасное, что здесь есть. Символом этого являются плоды. Вы принесете свои плоды, и мы во время крестного хода, который завтра будет после службы, освятим их, так что не надо будет толпиться, не надо будет толкаться. Как сегодня, так и завтра после литургии мы надеемся совершить с вами вместе братскую духовную, христианскую трапезу, трапезу любви. У двери храма даже нарисовано, как пройти на улицу Стопани, 6. Завтра вечером, напоминаю всем вам, и скажите тем, кто по каким-то причинам не смог сегодня из нашего братства быть здесь, в 6 часов вечера там же будет собрание на очень важную тему — «Приход, община, братство, Церковь». Вчера мы проводили исповедь, и я говорил о грехах наших против Церкви, против нашего прихода, против нашей общины, против нашего братства. Каждый человек так или иначе — член Церкви и член какого-то прихода, поэтому мы, покаившись вчера в тех грехах, которые вольно или невольно совершили, должны еще и осмыслить этот опыт, чтобы все, что есть в Церкви, было напитано одним духом, в одном приобщении к полноте благодати, чтобы и многочисленные братства, возникающие сейчас, и общины, и приходы были максимально церковными не только лишь внешне, но и внутренне, духовно, по приобщению к этой полноте жизни. Вот, братья и сестры, надеюсь, что вы не забудете тоже подумать об этом и принесете свои размышления и вопросы, может быть, и смущения, и сомнения, завтра вечером на это собрание. Но сейчас — радость, сейчас у нас с вами та возможность, которая редко бывает, к сожалению, в наше время. В древности трапезы любви всегда совершались сразу после литургии: община совершала Евхаристию, и она тут же завершалась общей трапезой всех, кто причащался от

единой чаши. Ни один не отгонялся от этой трапезы, и каждый мог принести что-то и обрадовать своих братьев и сестер, принести как бы в общую сокровищницу Духа свои новые плоды. И я вам хотел в связи с этим пояснить один момент. Может быть, вы обращали внимание, как мы с вами завершаем Евхаристию. Мы говорим: «С миром изыдем». И отвечаем: «С именем Господним». На этом Евхаристия заканчивается. Так она заканчивалась и в древности. Это естественно — с призывом: уйдем, выйдем, изыдем с миром. Сейчас, как вы помните, выходит только священник и то только вниз, читает заамвонную молитву, потом возвращается в алтарь. А в древности это было началом движения вслед за епископом, или священником, со всем пресвитериумом, собравшимся около епископа, в соседнюю трапезную для совершения агапы, за стол, на который всегда приносили все необходимое сами христиане. И там, вероятно, в начале этой агапической трапезы читалась нынешняя заамвонная молитва, потом молитва «Исполнение закона и пророков...», которая сейчас обычно читается перед потреблением Святых Даров диаконом. У нас диакона пока нет, я ее читаю всем, потому что на самом деле она не для диакона, тем более, видите, она — от множественного числа: «Исполни радостью и веселием сердца наши...» Думается, что эта молитва читалась перед началом агапической трапезы, и она, собственно, была освящением этой трапезы. И хотя я сегодня по чину, конечно, все совершил, мы начнем трапезу с того, чем кончили, — вот этими молитвами. Всегда старайтесь вникать в суть, дух и смысл всего того, что происходит в Церкви, потому что, хотя это и не просто, без этого христианской жизни нет. Дух и смысл — вот то, что гарантирует нам стояние во благе, стояние в Церкви, чтобы мы не падали. И этот смысл как раз и открывает нам правду, красоту, гармонию Божьего мира. Будем же исполняться правды, красоты и благодати Святого Духа. Храни вас Господь! Аминь.

СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ ПОСЛЕ ПАРИМИЙ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ ПЕРВАЯ ПАРИМИЯ (Исх 24: 12-18)

Дорогие братья и сестры! Перед праздником Преображения Господня я не буду вам рассказывать о евангельском повествовании, потому что вы все прекрасно знаете о том, как Господь взошел на гору и преобразился там перед Своими учениками. Мне бы хотелось, чтобы вы внимательно вслушались в то, что звучит в церкви, в нашем церковном собрании, чтобы вы лучше могли уразуметь то, ради чего мы здесь собираемся. Вот, смотрите, книга Исхода, 24 глава. Совсем недавно мы читали 20 главу, как вы помните, где говорилось о том, что Бог даровал Моисею 10 заповедей, а потом и другие законы, которые были положены в основу закона Моисеева. А вот здесь говорится о «восхождении». Восхождение в Библии всегда не просто восхождение, это еще некое усилие и духовный подъем. Что же произошло с Моисеем на горе? Моисей там получил скрижали каменные — закон и заповеди, которые Бог написал ему для «научения». Вот видите, мы с вами сразу встречаем очень важные и хорошо знакомые нам слова. Мы с вами встречались с этим словом, помним и его синонимы. Научение для нас — оглашение, а оглашение требует познания закона и заповедей, не просто познания, но и исполнения закона и заповедей Божиих. Далее говорится о том, как взошел Моисей на гору Божию. На горе его покрыло облако. И слава Господня осияла гору Синай, и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день воззвал Господь к Моисею из среды облака. Вид же славы этой в облаке, славы Господней на вершине горы, был перед глазами сынов Израилевых, как огонь поядующий. И там Моисей провел 40 дней и 40 ночей. Вот принципиальная разница: если дается на этой Синайской горе откровение закона и заповедей, то и облако, и слава Господня, которая открылась тогда Моисею, были пред глазами сынов Израилевых, как «огонь поядующий». Огонь — тоже свет, но вы представьте себе, какой здесь дается образ. Ближе всего мы могли бы себе представить это как некое извержение вулкана. Представьте себя на горе огнедышащей, когда происходит извержение, когда все горит, когда все трепещет. Вот с каким огнем сравнивается слава Божия. И совсем ведь другое было на горе Фавор, совсем другое на горе Преображения. Там блаженство, там сияние, там нетварный струится свет, который способен войти в само сердце человека и так приблизить человека к Богу, что уйти человек уже не хочет и не может. Он не хочет бежать от лица Божия. В Ветхом же завете Моисей познал такую славу, что в первую очередь хочется утрашиться и убежать. И если Моисей на

Синайской горе пробыл 40 дней и 40 ночей, то это как некое искушение, которое он выдержал. Трудно быть пред лицом Господним в такой славе 40 дней и 40 ночей. Это как некий великий пост, который нас покрывает божественным мраком, прежде, чем воссияет свет. Вот, дорогие братья и сестры, это первое сравнение, которое дает нам Ветхий завет в преддверии праздника Преображения. Аминь. **ВТОРАЯ ПАРИМИЯ (Исх 33: 11-23; 34: 4-6, 8)** Братья и сестры, христиане! Вот продолжение повествования из книги Исхода. Слушая эти слова, мы понимаем, почему Моисей назван великим пророком, боговидцем. Конечно, нам радостно слышать, как Господь говорил с Моисеем «лицем к лицу, как бы говорил кто с другом своим». И далее Моисей просит открыть ему путь Божий. Какой же путь Божий был открыт ему? Ведь Моисей действительно указывал людям путь — и это великое дело, братья и сестры. Господь сказал: «Я есть Путь, Истина и Жизнь». Конечно, путь, который мог указать друг Божий Моисей, и Путь, который указывает нам Сын Божий Иисус, — не совсем тождественные пути. Если Моисей видит Бога еще как бы сзади, видит Славу Божию со скалы, так, как будто Бог накрыл его ладонью Своей, рукою Своею, так что лицо Божие не было видно, то во Христе мы с вами начинаем созерцать само лицо Божие, явленное в откровении Славы Божией, той нетварной божественной энергии, которая просвещает каждого человека, проходящего к Богу через Христа. Братья и сестры, действительно, когда взшел Моисей на гору и Господь сошел к нему в облаке, то было провозглашено имя Иегова, имя Божие. И тогда-то прошел Господь пред лицом Моисея и возгласил о Себе. Какой Бог открывается Моисею? Какого Бога призывал Моисей в спутники себе и народу своему? Господь в этом великом откровении сказал о Себе: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый, и многомилостивый, и истинный». Исходя из этого слова Божьего, мы признаем единство того Бога Отца, в Которого мы верим, Который открылся во Христе, и того Бога, Который открылся тогда Моисею. Но откровение Моисею было лишь ступенью ко Христу, детоводительствующей нас. Здесь сейчас не читался следующий, седьмой, стих, но нам с вами его хорошо бы прочитать и услышать. Господь не остановился на этом откровении, и дальше говорится о Боге, что Он есть «сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода». Если в первой паримии мы сейчас слышали, что открываются Моисею, в первую очередь, закон и заповеди Божии для научения, то нам ясно: если Бог милует Своих детей, то Он и наказывает Своих врагов, тех, кто оставляет закон и завет Божий. Потому-то и останавливается ветхозаветное откровение на этом, и только во Христе мы обретаем новое в Боге, мы обретаем того же Бога, но не в явлении данного Им закона, а в явлении света Любви, света Свободы — того света, который принес нам Христос, который явился нам через Христа и во Христе и который живет в Церкви Христовой до сего дня. Аминь. **ТРЕТЬЯ ПАРИМИЯ (3 Цар 19: 3-9, 11-13, 15-16)** Вот и еще одно богоявление эпохи Ветхого Завета, и тоже величайшее, только уже не из времен Моисея, а на триста с лишним лет позже, из времен пророка Илии. Не случайно на горе Фаворской предстали Господу Моисей и Илия. Именно они, великие боговидцы, там смогли увидеть то, чего ждали, но не видели при своей жизни. Они во Христе увидели новое откровение, однажды пережив великое откровение в своей жизни. Что же говорит нам Третья книга Царств? Говорит она о том, что Илия убегает в пустыню Иудейскую от гнева Иезавели, царицы, впавшей в язычество, в нечестие, а затем идет он к горе Хорив. И вот, является Господь Илие. Сначала видит Илия сильный ветер, потом землетрясение, потом огонь, и только после этого в веянии тихого ветра открывается ему Сам Господь. Совсем недавно (на Ильин день) мы с вами обсуждали это место Писания, и я вам говорил о том, что наследие пророка Илии не в том, что он громил ложных пророков, убивал их мечом. Не тогда открывается Дух Илие, когда мы читаем о сильном ветре, о землетрясении, об огне, но тогда открывается Дух этому ревностному и строгому пророку Божьему Ветхого Завета, когда мы читаем о «веянии тихого ветра». Если мы наследуем пророческую миссию Илии, то вот «этот глас хлада тонка», это «веяние тихого ветра» и является для нас главным откровением. Посмотрите, как удивительно это откровение! Мы часто ждем от Бога потрясений,

огня, наказаний, — но не в этом Господь. Только когда заструится в наших сердцах, в наших глазах, во всей нашей жизни, во всей Церкви нашей, во всем Божьем мире тихий и невечерний свет, только тогда мы обретем новое откровение во Христе, только тогда мы сможем надеяться на преобразование жизни и мира, только тогда мы с вами станем чадами Нового Завета. Да будет так! Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ Дорогие братья и сестры! Как без Креста нет Воскресения, так и без Воскресения Христова невозможно наше преобразование. Поэтому эти два праздника очень глубоко связаны. Но мы же знаем с вами, братья и сестры, что открывается путь преобразования начиная с Пасхи, начиная с того момента, когда мы воскресаем со Христом, умирая для греха. С нашего Крещения, которое есть прежде всего знамение Креста и Воскресения Христова в нас, мы начинаем путь на Фавор. Братья и сестры, бывает так, что сразу после Крещения человеку дается великая радость созерцания Фаворского света. Но тогда, как и в Евангелии, случается, что после Фавора еще надо идти на Голгофу, еще надо пострадать, еще надо пройти большой и трудный путь. Так бывает с нами. После этого предошущения фаворского света иногда отходит благодать и трудно бывает ступать по каменистой почве, ведущей круто вверх. Но дорогие братья и сестры, нам надо дойти, дойти до Фавора духовного, высшего, где в полноте раскроется Небесное Царство, где этот свет Преображения будет тем единым Духом, которым мы с вами обретем вечную Жизнь. Поэтому мы с вами и согласимся, наверное, в том, что Преобразование действительно не меньше Воскресения. И то, и другое есть высшее, что открывает нам Господь. Высшее — это то, чем мы живем в Церкви, что мы предошущаем, живя еще на земле. Вот поэтому мы и собрание нашего братства не случайно приурочили — и уже второй год — к этому празднику. Мы с вами надеемся, что этот праздник поможет нам преодолеть формализм нашей жизни, поможет нам почувствовать действительность и всю глубину и радость того, что мы — братья и сестры во Христе, что мы — члены единой Христовой Церкви. Дай Бог, чтобы завтра мы с вами, придя в храм на утреню, потом на литургию, сохранили в себе обретенный опыт благодати, чтобы мы его приумножили, чтобы вместе с этой радостью божественного света, вместе с этим миром Божиим, мы обрели уже здесь, на земле, Красоту и Правду, без которых невозможно идти на Фавор. Вот, братья и сестры, о чем мне хотелось предложить вам поразмыслить сегодня и завтра, а может быть, и далее.

19 АВГУСТА. СЛОВО НА УТРЕНЕ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (Лк 9: 28-36)*• После получения известия о путче — попытке свергнуть М. С. Горбачева. Братья и сестры, христиане! Вот мы услышали евангелие, благовествование о том, как произошло Преобразование Господа на Фаворе. Мы с вами слышали, как Господь дал Своим ученикам знать о том, что значит пришествие Царства Божия в его силе, в его полноте. Мы часто гадаем над тем, как же произойдет это пришествие, каково оно, что это за Царствие Божие. Мы думаем об этом, часто забывая о рассказе из Евангелия о том, как Господь Сам указал на дух и смысл того, что Он обещал Своим ученикам. И вот, мы слышали, что на горе Фавор Иисус, явившись во славе, говорил с Моисеем и Илией — теми пророками Ветхого Завета, о которых мы вчера с вами читали. Вы помните, как они обретали опыт Богопознания в Божественном Откровении, как они научались свету, научались пути Божьему. То облако славы, которое на горе Фаворской явилось особым образом, было уже несколько иным. Вы помните из Ветхого завета, что слава Божия для них была, как «огонь поядающий». Но для тех, кто был на Фаворе, это облако, эта слава Божия была иной — она стала благой и радостной. Когда Бог сотворил мир, Он сказал: «Хорошо весьма!» И вот здесь, в этом отрывке из Евангелия, мы видим как бы явление нового мира, и не случайно Петр говорит: «Хорошо нам здесь быть!» Так хорошо, что и уходить никуда не хочется, не хочется спускаться с этой горы, не хочется расставаться с тем, что им открылось. Но Господь знал, что ученикам Христовым надлежит еще «многими скорбями» войти в Царство Небесное. Эти скорби постоянно угрожают и нам. В любой день они могут

обрушиться на нас так, как мы еще и не знаем. И мы, получив этот Свет Преображения, получив эту радость, получив эту силу любви Божией, должны быть готовы этой силой жить, этой силой пользоваться, ее обретать, проходя через Голгофу и через Воскресение. Все это совершается с нами, дорогие братья и сестры. И если мы, получив это блаженство преображенного света, скажем: «Хорошо нам так быть!» — и все, то мы согрешим. Господь посылает нас снова в мир, потому что мир-то еще во зле лежит. И зло мира сего еще агрессивно. Нам есть что противопоставлять этому злу, дорогие братья и сестры. У нас тоже, как у учеников Христовых из двенадцати, есть что ответить на вопрошание мира сего. Мы не боимся никакой агрессии зла, не потому что мы такие легкомысленные и не знаем силы зла, а потому что мы знаем путь Божий. Братья и сестры, будем верны этому пути, будем верны этой силе, будем верны этой славе, не домогаясь ничего другого в этом мире. Только тогда мы получим спасение, освящение и преображение, и только тогда вокруг нас тысячи и миллионы спасутся. Это заповедь Нового Завета. Заповедь о любви — единственная заповедь, которая универсальна, более которой нет, да и быть не может. В любви Божией раскрывается сила Божия, премудрость Божия, слава Божия. Раскрывается и в нас нетварная божественная энергия, которая нам не позволит сказать, что у нас нет сил, чтобы побороть искушения внутренние и внешние. Силы у нас есть, потому что Бог жив, дорогие братья и сестры! Жив Бог, и живет в Церкви Своей! И Он дает нам силу преображения, если только мы стремимся к ней, если мы не отходим от нее, если мы не предаем ее. Будем же, дорогие братья и сестры, жить силой и славой Преображения Господня, Силой Божией, чтобы войти в Царство Небесное со всем миром Божиим! Аминь.

СЛОВО ПЕРЕД ЛИТУРГИЕЙ Дорогие братья и сестры, мы завершили утреню, на которой мы с вами прославляли Господа, явившегося на горе Преображения как Свет. Мы с вами служители света, а не тьмы. Вознесем Богу новую молитву в служении царствованием и священством. Будем благодарить Бога за Сына Его Иисуса Христа, отдавшего Себя за нас, воскресшего и сидящего одесную Отца. Поэтому сейчас мы начинаем литургию.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ АПОСТОЛА (2 Пет 1: 10-19) Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы с вами слышали отрывок из послания апостола Петра, который удивительным образом сходится с тем, о чем мы читали вчера из послания апостола Павла. Вы помните, что апостол Павел вчера напоминал нам евангелие, которое он проповедовал. И вот сейчас как бы то же самое говорит апостол Петр, также напоминая нам то, что он проповедовал. И здесь апостол Петр утверждает нас в вере и говорит, что мы сами должны стараться «делать твердым наше звание и избрание». «Так поступая, никогда не преткнетесь, — говорит он, — ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». Кажется, так просто открыть свободный вход в Небесное Вечное Царство Христово. И нужно для этого лишь звание свое христианское и избрание Божие сохранить и утвердить. Ведь часто бывает так, что мы принимаем это звание, мы принимаем и избрание, но не думая о том, чтобы утвердиться в нем, мы начинаем расслабляться, волны житейского моря начинают потихоньку размывать нашу христианскую жизнь, она становится наполовину уже снова языческой. И тогда свободного входа в Небесное Царство не будет, дорогие братья и сестры. Мы с вами также собрались здесь на собрание братства для того, чтобы утвердить наше звание и избрание христианское. Апостол Петр говорит о том, что он никогда не перестанет напоминать нам об этом, хотя мы и знаем это. И действительно, никто из вас не может оправдаться, сказав: «Мы не знали, нас не учили Христову Божьему пути, тому, как жить по-божески и по-человечески». Братья и сестры, мы все здесь, слава Богу, научены основам христианской веры и жизни и никогда не оправдаемся незнанием, невежеством своим. Но апостол Петр, как опытный и мудрый пастырь, знает, что мало того, что человек обрел, что в нем уже есть. Надо по избранному пути идти вперед, не останавливаясь, не оглядываясь. Это тоже будет утверждением звания и избрания нашего. Апостол Петр говорит, что об этом надо думать даже тогда, когда учителя ваши уйдут с этой земли, когда вы их больше не увидите. Все равно это надо будет приводить вам на память. «Мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным

басням последую, но бывши очевидцами», — говорит апостол Петр. Конечно, мы не можем похвастаться тем же, мы не можем сказать, что мы были вполне очевидцами того, что приняли от апостолов, что и сохранили и будем хранить вечно, как апостол Павел вчера нам говорил. Но мы — очевидцы духовными очами, мы духом своим приобщены, каждый в свою меру, к тому, о чем слышали слово. И мы с вами знаем, что Христос принял от Бога Отца честь и славу, и мы с вами знаем, что к Нему относились слова Божии: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». И об этом же говорит верное пророческое слово. Среди нас, к сожалению, не много тех, кто знает эти пророческие слова, кто их умеет разуместь, кто умеет ими жить. Братья и сестры, нам с вами надо жить вернейшим пророческим словом, в пророчественном Святом Духе изрекаемом. Нам с вами нужно стать свидетелями чести и славы Христовой, приняв от Него и на себя, и на Церковь Божию ту же честь и славу. Вспомните, как во время венчания мы молимся: «Господи, Боже наш, славою и честью венчай их». Но это относится во Христе и к Церкви Божией — славою и честью обвенчаны все мы Христу. И эта слава и честь открылись и при Иордане, и на горе Фаворской, когда возсиял нетварный божественный Свет, который, преодолев все преграды греховные в этом мире, пришел, вселясь в сердца верных. Братья и сестры, будем поступать так, как учит нас апостол Петр. Будем обращаться к нему и пророкам как к светильникам, сияющим в темном месте, доколе не начнет рассветать и не взойдет утренняя звезда в сердцах наших. Аминь. **СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (Мф 17: 1-9)** Братья и сестры, христиане! Вот мы снова, как и сегодня на утрени, слышали рассказ о Преображении Господнем. Утром мы читали Евангелие от Луки, сейчас — Евангелие от Матфея. Каждый евангельский текст обладает такой великой ценностью, что мы можем находить все новые и новые глубокие нюансы духовного смысла. Так и здесь. Вот взял Господь Своих любимых учеников — Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и «возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними». Нам сразу хочется углубиться в смысл слова «преображение», потому что в нашей жизни мы ведь чаще пользуемся другим понятием — «преобразование». И люди очень часто хотят преобразовывать — то себя, то других, то мир, то общество. И сейчас хотят люди этого, чему все мы свидетели. И вот, братья и сестры, Господь не преобразовывал мир, Он, воистину, не был революционером — преобразователем, как хотели люди Его видеть еще недавно. Он был преображен и Он преображал. Это Преображение действительно силой сияния Света Божьего. Ведь сказано: «Просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет». Воистину этот Свет преображает, это Солнце сияет, преображая всех и вся, способных вместить, ибо, конечно, еще многие и многие, к сожалению, не способны вместить его. Не случайно берутся три апостола и говорится, что только их одних избрал Господь для того, чтобы они увидели, не вкусив смерти, Царство Небесное в силе, чтобы запомнили, чтобы передали после Воскресения Христова тем, кто уверует. В том воскреснет дух, кто сможет преобразить этим духом и плоть. И вот, Моисей и Илия беседуют с Господом на Фаворе в этом Свете Преображения. Братья и сестры, вчера мы читали паримии и говорили о том, как открылся Бог Илие, — в «гласе хлада тонка», в «веянии тихого ветра». И это, напоминаю вам, есть наследие пророков нам. И далее, мы слышим глас из облака светлого — светлого облака, а не такого, как на Синае. Из светлого облака исходит светлый глас: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение. Его слушайте». Мы часто на земле ищем, кого нам слушать, кому послушаться, ищем, ищем и с трудом находим, особенно в наше время. Но ведь Евангелие нам прямо говорит, Кого нам надо слушаться, Кто не ошибается — Сын Божий Возлюбленный, в Котором Божие благоволение. Его и слушайте, братья и сестры. Хорошо слушать друг друга, хорошо слушать старших в Церкви. И следует это делать, но постольку лишь, поскольку они сами слышат и слушаются голоса Христова. Иисус приступил к испугавшимся ученикам, коснулся их, коснулся их сердец, и сказал: «Встаньте и не бойтесь». Вот действие фаворского Света — с колен надо встать, всякий страх, даже страх перед Всевышним Откровением, надо преодолеть. Встаньте же и вы, братья и сестры, во Свете фаворском и не бойтесь. Не бойтесь ничего и никого, даже тех, кто придет к вам, может быть, и не с добром, может быть, не в Духе Божьем. Господь хранит этот

Свет в сокровищнице, которую вложил в каждого из нас. Эта сокровищница — наши сердца, братья и сестры. В этой сокровищнице Свет Христов должен храниться, чтобы преображать нас. И не только храниться, но и струиться из сердец наших должен этот свет, чтобы преображать мир и ближних наших. Ведь мы знаем — стоит только закрыться, подумав, что этот свет лишь наш, как он перестанет действовать, он как бы задохнется и иссякнет. Да не будет с нами этого никогда, братья и сестры. Страшная картина предстоит перед нами, когда мы видим эту закрытость и ее плоды. А это, увы, бывает с нами и так часто вокруг нас — в людях и в отношениях. Братья и сестры, будем жить верой, ибо открытость Божьего Света, его откровение есть плод нашей веры. Прославим преобразившегося и преображающего Господа! Аминь. **24 АВГУСТА. МЧ. АРХИДИАКОНА ЕВЛА. СЛОВО ПЕРЕД УТРЕНЕЙ** Дорогие братья и сестры! Когда мы с вами в день Преображения Господня шли крестным ходом по Большой Лубянке, у многих проходивших мимо людей раскрывались глаза от ужаса и страха, а у нас с вами на сердце была радость, радость и вера в победу Божию, вера в то, что Господь сохранит людей Своих, сохранит Церковь Свою, народ Свой. И вот, вы видите, сколько событий произошло за эти дни. После службы я вам расскажу, как реагировал на это святейший патриарх. Об этом не все из вас знают, потому что не всем эти документы легко доступны. Сейчас, слава Богу, мы снова собираемся здесь, мы снова будем молиться. Сегодня, напоминаю вам, продолжается празднование Преображения Господня, идет так называемое поспразднество праздника Преображения, и сегодня мы чтим также память святого мученика Евпла. Так что канон и тропари будут праздника Преображения, поскольку праздник продолжается, а о мученике Евпле речь у нас пойдет во время богослужения, когда я буду читать вам синаксарь.

СЛОВО НА УТРЕНЕ Дорогие братья и сестры! Святой мученик и архидиакон Евпл пострадал в 304 г. в правление императоров Диоклетиана и Максимиана, воздвигнувших гонения на христиан. Евпл был архидиаконом в городе Катана на острове Сицилия. Дიაконы имели очень большое значение в Церкви. Они несли не только молитвенное служение, приглашая все собрание, всю Церковь к молитве в прошениях, как это сейчас, когда, как правило, диакон помогает пресвитеру, или епископу и возглашает ектеньи, протяжные моления, которые подхватываете сердцем все вы. Сейчас у диакона почти не осталось других функций, а в то время были в церкви и диаконы, и диакониссы. Они готовили людей к крещению, занимались оглашением, помогали в совершении таинств, особенно Крещения, проповедовали Слово Божие и еще заботились о неимущих. Верующие всегда приносили в Церковь много добра — пищу, вещи — все необходимое. Часть шла на нужды церкви. Из этих приношений, или по-гречески просфор, составлялась евхаристическая трапеза, потом трапеза на агапе, все же остальное шло неимущим. Диаконы заботились о больных, они осуществляли то, что мы сейчас называем «диакония» (служение). В церкви у пресвитеров, у епископов всегда должны быть помощники и служители, слуги, но слуги в высшем смысле этого слова, без всякого услужничества и прислужничества. И слуги были, и никто не только не стеснялся быть слугой, но многие желали этого, ибо это был священный сан. Быть слугой — это священное служение, братья и сестры. У нас за 70 лет так набили оскомину по отношению к этому слову, что человек только что-то сделает для другого, как уже он может предъявить претензию: «Что я тебе — слуга что ли?» А Господь говорит: «Кто хочет быть большим среди вас, да будет всем слугою». И вот эта диакония церковная всегда имела огромное значение, прежде всего, для самой Церкви. Человек, входящий в церковное собрание, в общество верных, в Церковь мог никогда не беспокоиться — попадет ли он в беду, заболеет ли, останется ли без средств. Если дети его останутся сиротами, а он, допустим, умрет, то никогда никто не останется без помощи и погребения, никогда не останется без поминания, а ведь эти вещи в истории далеко не всегда были простыми и однозначными, само собой разумеющимися. До сих пор, например, в мусульманском мире только складчина общины на то, чтобы погребать членов данной общины при мечети, ставится в огромную заслугу этим людям еще при жизни. Для нас это немножко

странно. Когда я с этим столкнулся в беседах с мусульманами, то был очень удивлен. Для нас это само собой разумеющаяся вещь, а с другой стороны, мы не очень об этом думаем, к себе это прилагаем очень и очень косвенно. Итак, братья и сестры, архидиакон («архи» значит «перво») — это был старший диакон при епископе в то время. Будем помнить, кто такие диаконы. Вот сейчас, когда Православная церковь приняла решение о восстановлении института диаконов, это имеет для нас с вами особое значение, потому что мы снова увидим священнослужителей женщин. К сожалению, по разным историческим обстоятельствам, по отношению к женщинам в христианстве часто забывались слова апостола Павла: «Во Христе нет ни мужского пола, ни женского». Но только каждый должен делать свое дело, не посягая на дело другого. Поэтому, когда сейчас ставят епископами и пресвитерами женщин, — это для нас неприемлемо, поскольку это не дело женщин. У них есть свои заботы, особенно пока растут их дети и т. д. Нам важно знать, что и женщины могут допускаться до священного служения. А в то время, о котором мы здесь читали, в Церкви были еще и пресвитериды (пресвитерида — старшая в женском церковном собрании, от «пресвитер» — старший). Так что еще и это было, но об этом особая речь, сейчас я не буду об этом говорить. Вот это для нас с вами очень важно. И женщинам, а в наше время, в первую очередь, сестричеству каждого храма, каждой общины, нужно заботиться как раз о помощи неимущим, о помощи больным, о детях, и не только о своих (у нас все еще заиклены на своих детях, внуках и т. д.). Будем об этом помнить, братья и сестры, это наш христианский долг, это предание апостольское, которое мы не имеем права забывать. Это, конечно же, не значит, что все до единого, стройными рядами мы должны заниматься одними делами. Для диаконов тоже нужны способности и нужны большие силы, и мы с вами получаем эти силы в церковном общении, мы эти силы получаем в таинствах. Вот, братья и сестры, когда мы читаем о диаконах начала IV века, мы должны хорошо себе представлять, что значило быть диаконом в то время. Вот и говорится, что святой Евпл постоянно проповедовал истинную веру, он всегда имел с собой Евангелие и, ходя из дома в дом, читал людям о чудесах Господа Иисуса Христа. Он не ждал, когда к нему придут и его спросят. Он проповедовал. Мы же с вами воспитаны в такое время, когда невозможно было выйти с Евангелием на площадь, на улицу, в метро спуститься и начать говорить. Когда же мы это видели, мы сразу понимали, что это сектанты, это их проделки. Но проделки ли это? Конечно, когда они искажают Евангелие — это проделки, но когда они проповедуют Евангелие — это не проделки, это великое дело, от которого мы с вами, к сожалению, отвыкли. Мы лучше книжечку дадим человеку, а живого слова ему не скажем — пусть сам читает, пусть питается словами других людей. А этому человеку, может быть, нужно живое слово. Книга — великое дело. Сейчас стали издавать хорошие книги. Слава Богу, начали, и их становится все больше и больше, но на книжку надо, во-первых, указать, во-вторых, открыть глаза, в-третьих, нужно, чтобы человек понимал церковные слова, которые там есть, в истинном свете, в истинном смысле. Это не так все однозначно, ведь мы с вами говорим на двух языках — наш русский церковный язык и русский язык в магазине или на рынке, это, не забудьте, совсем разные языки. Тот русский язык, или русифицированный славянский язык, на котором мы с вами молимся в нашей общине, и тот язык, который употребляется в газетах, — совсем не один и тот же. Некоторые нам говорят, что вот, мол, мы по-русски молимся, имея в виду вот этот газетный язык. Нет, это неверно. Этого просто нет. Будем читать дальше. Однажды в Катану явился отряд язычников для выявления тайных христиан. А христиане были тайными, вы знаете почему. Они были поставлены вне закона из-за того, что нарушали государственный закон, не желая почитать императора, главу государства, как Бога. На святого Евпла донесли, и он был взят под стражу. Видите, в Церкви были великие эпохи, когда все оказывались верными, но, к сожалению, были и такие, когда кто-то подводил, кто-то доносил, когда кто-то предавал. Вы думаете, что для нас с вами это не актуально? Вы думаете, если вдруг над Церковью вновь сгустятся тучи, среди нас с вами не будет ни единого такого человека? Давайте будем очень внимательны и готовы ответить себе на этот вопрос. Итак, на святого Евпла донесли, и он был взят. После того, как он отказался поклониться языческим

идолам, его подвергли жестоким пыткам. Тело мученика строгаи железными гребнями, а кости перебили молотом. Ни тяжкие муки, ни лукавые посулы всяческих земных благ, если он отречется от Христа, не смогли поколебать твердости исповедника. Тогда мучители решили подвергнуть его медленной смерти от голода и жажды. Страдальца заключили в тюрьму и запечатали дверь. Через семь дней, почувствовав нестерпимую жажду, святой стал усердно молиться Богу и внезапно в темнице появился водный источник. Когда через некоторое время туда вошли воины, они увидели, что темница полна воды, которая исчезла по мановению руки мученика. Увидев, что святой жив, градоначальник-язычник повелел отсечь ему уши, а затем и голову. На месте казни святой Евпл снова проповедовал Евангелие. Его останки были благоговейно погребены христианами, и в гробнице святого мученика происходило множество исцелений. Вот, дорогие братья и сестры, чью память мы сегодня чтим. Будем помнить, что много может молитва праведника, очень много. Какое множество чудес совершает Господь в наши дни, а мы столь легкомысленны, что даже не замечаем их, даже не говорим никому об этом. Бог дивен во святых Своих, которым Он творит чудеса. И в наше время чудес нисколько не меньше, чем в древности, братья и сестры. Это удивительно, но факт. Мы со своим скепсисом, к сожалению, привыкли и верить, и не верить одновременно. Наше сомнение нас часто гложет. Мы часто не верим глазам своим, не верим ушам своим. Да, конечно, в наше время надо быть особенно осторожным, не надо быть легковерным. Это верно. Но не надо, чтобы сомнение оставалось сомнением, не разрешаясь в духовном усилии. Сомнение, может быть, это даже хорошая вещь при условии, что оно разрешается через духовное усилие, если мы уходим в большую глубину Богопознания, если сомнение нас к этому подвигнет. Сомнение может быть разрушительным и оно может быть созидательным. Будем это помнить! Братья и сестры, почитая святого мученика Евпла, мы можем вспомнить еще, что совсем рядом с нами, на Мясницкой, раньше был большой храм святого мученика Евпла, и эта улица до XIX века даже называлась Евпловка, и только с XIX века ее стали называть Мясницкой, а ныне она пока еще — улица Кирова. Так что для нас с вами это почти что престольный праздник. Есть древняя традиция: если какой-то храм рядом не сохранился, то почитание тех святых, которые почитались в том храме, как бы переходит на ближайший приход. Я думаю, что это каким-то образом касается и нас с вами. Аминь. СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ

Дорогие братья и сестры! Последние дни были для нас, для всей нашей общины, для всего нашего братства очень значительными. Вы помните, как в понедельник мы не только шли крестным ходом по Большой Лубянке, но были с вами на агапе, а потом на очень для нас важной, значительной конференции, посвященной проблемам церковной жизни. Но, конечно, когда возрастает Божья милость, Божья слава, тогда наступают и искушения. Я не буду говорить сейчас о том, что было вокруг. Я скажу об этом позже. Вы знаете, что к сожалению, именно в эти дни в автокатастрофе погиб один из членов нашего братства, Борис Папернов, которого мы будем с вами отпевать завтра или, скорее всего, послезавтра. Я прошу вас не прерывать молитвы за него. А сейчас я хотел бы познакомить вас, как и обещал, с теми патриаршими документами, которые вышли в самые горячие дни. Вы знаете, что наша Церковь выступила против путчистов первой, раньше каких бы то ни было общественных организаций. Были высказывания государственных деятелей — это другое дело, они были сразу обнародованы, но ни одна общественная организация не выступила. Церковь, насколько ее можно назвать общественной организацией, выступила первой. И вот, передо мной документы. 20 августа — самый трудный день, и святейший патриарх выступил с заявлением. (Зачитывается текст заявления святейшего патриарха.) И еще я хочу сообщить вам, что вчера мы с Александром Михайловичем Копировским участвовали в Конгрессе соотечественников и сделали там свои сообщения по проблемам современной истории Русской Православной Церкви. Был принят очень важный документ по проблемам единства церкви, который подписали в том числе и мы. Мне бы очень хотелось, чтобы вы его услышали, потому что уже никто не уверен, что он скорым образом придет к читателю. (Зачитывается текст.) Вот, братья и сестры, это очень существенно. Вы, конечно, знаете не всех лиц, подписавших этот документ, но я должен вам

сказать, что, как вы помните, и отец Александр Киселев, и некоторые другие из перечисленных деятелей — это представители Русской Зарубежной Церкви, и от них было очень трудно добиться движения в направлении единства. Сейчас же, на Конгрессе все свидетельствовали о том, что на приходах Русской Зарубежной Церкви идет массовое движение к единению, хотя есть, конечно, силы, этого не желающие. И вчера мы, к сожалению, за тем же «круглым столом» слышали выступление одного из здешних братьев, который продемонстрировал комок ненависти и злобы. Выплеснув его и не захотев никого слушать в ответ, ни членов Русской Зарубежной Церкви — никого, не желая слушать никаких доводов, он встал и ушел, как ни просили его очень почтенные люди остаться. И знаете, было очень тяжело слышать вот такое выступление этого молодого человека. Типичный такой сектант, и этот большевизм под личиной христианства, когда идут сплошные обвинения, какие-то термины, за которыми непонятно что и скрывается. Жизнь всегда была трудна и противоречива, и всегда были проблемы, и они у всех есть. Надо уметь решать их, а не драться ими, как палкой. Был там и Василий Родзянко, бывший архиепископ Сан-Францисский. Если Бог благословит и благословит святейший патриарх, он будет служить через неделю у нас*. • Увы, благословение тогда дано не было, и это служение состоялось лишь 19 июня 1994 г. (Прим. ред.) Вот, братья и сестры, вчера произошло и еще такое важное историческое событие. Но самое важное, что есть надежда, пусть и не очень большая — будем трезвыми, что протянутая рука не будет отвергнута. Это было бы очень для нас важно, потому что люди в пылу полемики и такой озлобленности, такого неумения ни слышать, ни видеть ничего и никого, конечно, могут нанести огромный ущерб именно в это время, когда многие обращаются к Церкви. Многие из вас были в Электроуглях, в городе, где я служил ранее. Вспомните, как повредило этому городу то, что всего несколько человек, местных, стали с порога, ни в чем не разобравшись, ничего не зная, отвергать все подряд. Им не нравилось и место службы, и то, как совершается богослужение, и что делается, и люди, которые приезжают — все не нравилось. Для верующих это не было препятствием, но насколько это повредило городу, который живет-то слухами, который сам-то ничего не знает и не понимает, и люди, устремившиеся было в Церковь, охладели к ней, мол, там тоже какие-то свои распри, такие же, как и везде. А если уж в Церкви такие же распри, то зачем туда идти? Тем более, что у многих людей нет ни навыков, ни понимания, ни, в общем-то, веры. Поэтому очень велика опасность раскола и всего того, что за ним стоит, велика опасность всякого разделения. Будем, братья и сестры, и мы с вами бояться разделения, и будем служить Правде Божией, Истине Божией. Аминь.

Братья и сестры, я хотел вам сообщить еще, правда, многим это уже известно, что сегодня мы рады приветствовать Александра Михайловича Копировского. Ему сегодня исполняется 40 лет, и давайте споем ему многолетие. Он много лет в Церкви, с тех пор как крестился. А было это ровно 20 лет назад, на Успение. Через несколько дней будет двадцатилетие его крещения. Александр Михайлович трудится во славу Божию, во славу святой Церкви, помогая многим людям так, как ему Господь дал, по силам своим, по разумению своему, но всегда с усердием, всегда бескорыстно, всегда служа. Поздравляю!

ОТВЕТ А. М. КОПИРОВСКОГО Спасибо. Дорогие братья и сестры, для меня это действительно особенный день. Двадцать лет назад я, зная, что через четыре дня у меня будет крещение, встретился со своими старыми друзьями. Их было несколько человек, и я как бы провожал свою прошлую жизнь, через четыре дня начиная новую. Сегодня мне Господь послал этот день рождения, уже как бы отмеченный новой жизнью, богослужением и совпадением, очень для меня важным, с памятью мученика архидиакона Евпла, который и своим образом служения, и своей проповедью мне очень близок. Все оказалось именно так. Я благодарю Бога, благодарю вас за то, что мы отмечаем этот молитвой, совместной, единой молитвой, потому что сказано: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду Ааронову, стекающий на края одежды его, ... ибо так заповедал

Господь благословение и жизнь на веки». Вот этот маленький псалом сейчас мне пришел на ум как образ нашей радости: елей стекающий — вот так, обильно текущий. Дай Бог нам всем быть помазанными этим елеем радости, никогда его не терять, и чтобы каждое событие нашей жизни было связано с Богом и Церковью. Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ О. МИХАИЛА ФОРТУНАТО (ЛОНДОН)** Дорогие братья и сестры! Сегодня, в праздничный день Преображения Господня, я поздравляю всех вас и хочу рассказать об одном эпизоде из моей жизни, когда я наблюдал воистину преобразование человека. Готовя ко крещению четырехлетнего мальчика, я рассказал ему о жизни Иисуса Христа и о Преображении Его на горе Фавор. И этот мальчуган вдруг задал мне вопрос: Преображение — это когда преобразаются твои мысли? Он, значит, умом своим понимал, откуда идет вся крепость человека. Затем я объяснил ему, как крестик носить, как нужно подходить к причастию, что с ним произойдет, когда он будет причащен... И вот, подошел момент крещения. Выставили купель, он, конечно, погружался полностью. И когда крещение закончилось, я увидел, что он стоит, так чуть-чуть расставил ноги, знаете, как крепкий такой мужчина, стоит и крестится, четырехлетний. Я на него смотрел, и просто удивлялся. Это было как раз в его день ангела, на Фомино воскресенье. Посреди церкви лежала икона Воскресения Христова, где Христос нисходит в ад. Христос — в белом облачении. Я взял мальчика за руку и подвел его одного, без матери, без никого, прямо ко Христу и сказал: «Вот, посмотри на Христа теперь, теперь ты христианин, посмотри на Христа». Он смотрит. Я его тогда спрашиваю: «А какого цвета у Него рубашка?» Он смотрит и говорит: «Белая». «А у тебя?» Он знал, конечно, что в белой рубашке стоит, но он посмотрел, посмотрел снова на Христа и ответил: «Такая же, как и у меня!» Понимаете, он в этот момент стал христианином буквально! И вот эта вера и во мне и, конечно, в нем как бы утончалась, вера в то, что есть Бог Отец, Который всем руководит, Который все создал, но есть и Христос, Сын Его. И вот в таких маленьких штрихах, я видел в себе и в других, эту веру конкретную, самую реальную веру. Еще и такой случай был. Я очень долго, лет двадцать, занимался детским воспитанием. И меня это привело к тому, что нужно создавать какие-то более общественные рамки, в которых дети могут, так сказать, пережить православие, пережить веру конкретно. У нас оказалось возможным каждый год организовывать летние лагеря для детей. Сейчас их число увеличивается, и подходящие кадры у нас теперь есть. Это очень хорошая акция. И вот однажды, лет шесть тому назад, во время занятий Законом Божиим, в одной из групп, где я преподавал, возник интересный диалог. В тот год мы изучали все церковные праздники: Рождество Богородицы, Рождество Иисуса Христа и другие. Я подробно рассказывал детям в возрасте 13–14 лет о жизни Христа и Божьей Матери. Они, знаете, любопытные и свои представления имеют. И вот один четырнадцатилетний мальчик меня спросил: «Отец Михаил, а как же Вы все это знаете? Откуда Вы это знаете?» Я ему стал отвечать, что, конечно, я это знаю от тех людей, которые старше меня, они меня научили. Потом я подумал: «Ведь я знаю больше того, чему меня научили». И я ему тогда ответил: «А ты представляешь себе икону Христа? Ты когда-нибудь стоял перед иконой Христа? Ты когда-нибудь беседовал в Самим Христом?» Он говорит: «В общем — да, в общем — нет». Так, не совсем уверен был. Я ему тогда посоветовал: «Вот, если ты хочешь знать достоверно о жизни Христа, о Его учении и чудесах, то ты пойдешь и спроси у Него». Мальчик, умный такой, согласился с этим. Я видел, как он потом ушел, уединился и беседовал со Христом. Вот такие случаи. Видите, как душа человека и ум его направляются ко Христу, чтобы понять, чтобы узнать с достоверностью Христа как Сына Божьего и как Человека, что у Него тоже была Своя жизнь, Своя судьба, Свои жизненные перипетии, точно так же, как и у нас, но, конечно, в Его жизни — с распятием и воскресением. И еще, чтобы завершить то, что я хочу вам сказать, — несколько слов о моем отце. Он прожил не очень долгую жизнь, умер 70-ти лет, и одно из последних впечатлений у меня — это то, что он сказал о том, как он чувствует себя на чужбине, что такое чужбина. Он родился здесь, в Днепропетровске, в то время это был Екатеринослав, на Днестре, на юге. В 19 лет он покинул родину в результате гражданской войны. Все остальные годы прожил во Франции, вдали от семьи, от своего родного края. И вот

что он мне сказал — весь этот страданный путь его он воспринял как путь крестный, путь земной. В конце жизни, на своем как бы опыте, он понял, что есть Небесное Отечество. Я вам всем желаю найти вот этот ключ к жизни. На земле мы живем, радуемся, грустим, иногда горюем, иногда свидетельствуем о смерти и о страдании, иногда радуемся, иногда видим Христа воскресшего. При этом все-таки мы должны помнить, что у нас есть Небесное Отечество и что никакие земные ценности, какие бы они ни были прекрасные, великие, глубокие — не предел, все-таки придет момент, когда мы переступим порог земной жизни и окажемся в другом состоянии, в Царстве Божием, где вещи другие, гораздо более ценные, чем те, которые мы знаем здесь. Благодарю вас. **СЛОВО НА ИСПОВЕДИ** Братья и сестры! Есть два типа грехов. Одни грехи, — это те, которые мы никогда не исповедовали или потому, что не осознавали их, или потому, что их раньше не было и вдруг они появились, или потому, что вдруг мы поняли, что то, что раньше считали не грехом, ну, может быть, и не достоинством великим нашей жизни, но и не грехом, это неожиданно открылось не просто как немощь или недостаток наш, а как наш грех. Второй тип грехов — это те грехи, которые мы уже исповедовали и тем не менее чувствуем, что есть нужда исповедаться в них снова, потому что покаяния не произошло, изменения не произошло, или произошло, но не полностью, не целиком, частично лишь мы избавились от этих грехов и вновь надо в них исповедоваться. Вы знаете, с чем это связано. В духовной жизни есть такие вещи, которые не имеют предела совершенствования, они не сводятся к простым фактам жизни, и поэтому в каких-то вещах надо постоянно каяться для того, чтобы идти вперед, для того, чтобы не останавливаться, не коснеть в этих грехах. А бывают вещи, как простые факты: либо они есть, либо их нет. И мы с вами должны прежде всего помнить о главном в нашей духовной жизни. Главное в ней — это наше личное отношение к Господу, это достойное предстояние пред лицом Божиим в любви, милосердии и мире. Это самое трудное. Я глубоко верю в то, что каждый из стоящих здесь знает Бога сердцем, не одним только умом своим. И тем не менее я также глубоко уверен, что каждый из стоящих здесь имеет нужду, реальную нужду в покаянии, в изменении того, что еще не изменено, не просвещено светом евангельской Истины. Если бы это было не так, то мы с вами были бы великой Церковью, братья и сестры. Мы же с вами — собрание грешников, хотя и всерьез ищущих спасения, всерьез знающих силу благодати, но тем не менее, не удерживающихся на этой высоте и постоянно падающих. Вот, братья и сестры, это трудно. Это действительно очень сложно — не пасть с высоты нашего призвания. А призвание наше самое высокое из всего того, что можно только себе представить. Нам с вами трудно бывает приходиться на исповедь, потому что чем чаще мы ходим на исповедь, тем более глубокой должна быть подготовка к ней. Эта подготовка должна быть специальной, а времени у нас мало. Одно дело для размышления о предстоящей исповеди выделить час или два, или даже три часа, в крайнем случае — день и ночь, если ты исповедуешься раз в год или раз в месяц, а другое дело, если ты приходишь на исповедь каждую неделю. Но, братья и сестры, уж если мы дерзаем встречаться, оставив все, и действительно следовать за Христом, то нам нужна эта подготовка, нам нужно познать свои грехи, чтобы их не повторять, нам нужно познать те грехи, которые мы раньше не осознавали. Нам нужно действительно освободиться от рабства греху, от рабства злу, которое еще в нас бывает. Каждый из нас знает, что есть такие трудные в его жизни ситуации, когда он почти не способен бороться с грехом или уже не знает, как бороться, или не думает даже, что можно бороться, потеряв веру в то, что он победит. А обратиться к Богу тоже как-то становится непросто. Почему-то многим людям это трудно, хотя, кажется, что проще — обрати свое сердце к Богу и проси помощи, и все — больше ничего не требуется. И мы все это знаем по своему опыту. Но это-то, самое простое, труднее всего осуществить. Братья и сестры, нам нужно больше уделять внимания чтению хорошей аскетической литературы. Не надо брать примитивные книжки, которые, может быть, несколько трогали бы наше сердце в таком сентиментальном духе, но которые не достигали бы глубины. Вот, может быть, многие из вас уже читали книгу митрополита Антония (Блума) «Беседы о вере и Церкви», которая у нас есть за свечным ящиком. Посмотрите, какие там удивительные, глубокие, подлинные переживания

веры, покаяния, богопознания, какой это опыт! И даже если с точки зрения чистого богословия иногда нужно было бы отдельные фразы подправить, они несовершенны, они порой даже не точны с точки зрения чистого богословия, но мы читаем и не обращаем на это внимания, потому что это нам не вредит. Ведь мы не формулы берем из этой книги, а тот самый опыт, что делает эту книгу выдающейся. Дай Бог каждому этот опыт иметь и уметь его выражать. Так что, братья и сестры, обратите внимание на все, что произошло после вашей прошлой исповеди, даже если прошла всего неделя. Теряли ли вы благодать, братья и сестры? Оказывались ли вы в какой-то духовной яме, даже если и не произошло никаких особых греховных ситуаций с вами, явных или тайных? Может быть, и ничего не произошло, может быть, о чем-то особенном и нечего сказать, но если была потеря благодати, если было охлаждение, если был страх в душе, растерянность, расслабленность, а тем более мрак отчаяния, то значит, в нашей с вами жизни происходили не только положительные вещи. Мы с вами недавно, в понедельник, причащались. Совсем недавно, всего несколько дней назад, но ведь это целая эпоха! Уже даже трудно помыслить о том, что было в тот понедельник, в день Преображения? Чувствуем ли мы с вами, дорогие братья и сестры, что праздник Преображения продолжается, что он совсем не кончился, что он все тот же праздник, который мы начали в этот понедельник? Он кончится лишь в следующий понедельник. Вот, братья и сестры, это критерий того, надо нам каяться или нет. Если мы даже, может быть, какие-то мелкие согрешения упустили, пропустили в своей жизни, но не потеряли благодать, то мы знаем — Господь покрыл их Своею благодатью. Но если мы даже, повторяю, ничего такого не сделали, но сердце было пусто и мертво — пусть даже полдня, пусть даже один час, пусть даже один миг, но этот миг мы заметили, то тогда нужно всерьез каяться. Всерьез! Ведь мы с вами знаем, что нормальное состояние каждого христианина — это готовность к причастию в любой день его жизни. Нормальное состояние христианина — это отсутствие нужды в специальном, отдельном покаянии после Крещения на протяжении всей жизни. Так, как жили в древней Церкви. Читались покаянные молитвы — это верно, каждый день они читались, каждый день человек исповедовал свое недостойнство пред Богом — это правда. И мы каждую литургию перед пением Трисвятого и Херувимской читаем эти покаянные молитвы древней Церкви, и мы тоже исповедуем свое недостойнство. Но на протяжении веков для многих христиан этого было достаточно. Ничего отдельного, специального не требовалось. И это — норма, это — не что-то выдающееся. К сожалению, давно ушли те времена, и даже для нас, восстановивших нормальный ритм причастия, нельзя сказать, что мы не имеем нужды в таком особом покаянии. Может быть, пройдет 5-10 лет, и это будет. Очень бы хотелось это видеть. Но иногда возникает сомнение — будет ли это так с нами через 5-10 лет? И много ли здесь тех, кто воцерковлялся после оглашения 2, 3, 4, или 5, 10, 15 лет тому назад? Вот, братья и сестры, давайте смотреть внутрь себя, но и вокруг себя, ведь это тоже критерий качества нашей жизни. Каждый человек, ушедший просто так в неизвестность, — это то, что должно задевать нас с вами, задевать наше сердце. Иначе мы — люди не церковные, а прицерковленные, как, к сожалению, и многие наши соотечественники. Если нас не трогают люди, наши братья и сестры, мол, ушел в сторону далече, так и иди своей дорогой, то, повторяю, мы люди не церковные. Не надо никого держать при ноге, даже детей малых не надо так держать, они могут сами держаться рядышком — и это хорошо, нормально. Насильно никого не надо держать. Но никто, ни один человек в Церкви не должен оставаться в одиночестве, не должен почувствовать себя в одиночестве, когда ему тяжело, даже тогда, когда он потерял благодать. Ведь любой из нас может оказаться в такой ситуации, братья и сестры, и нам нужно находить выходы из этой ситуации, а не начинать обвинять всех направо и налево, так сказать, отрясая прах со своих ног, убегая, подобно многим сектантам. Братья и сестры, нам нужно очень спешить, потому что времени нам Господь дал немного. Нам вряд ли дано 20 лет на спокойное духовное созревание. Если мы хотим что-то реально узреть, чего-то достичь в нашей церковной жизни, то это надо делать в 20 раз быстрее. После этих слов я не буду читать вам список тех грехов, которые я собирался сегодня перечислять, думаю, что вы их знаете. Одно только напомним. Господь говорит: имеете

ли вы мир со всеми? Подумайте об этом. У каждого здесь имеются соседи. И мир реальный не таков, что я лишь не чувствую вражды. Мол, пока не вижу этого человека — вот его здесь нет, то мне хорошо, а вот если его увижу, то... Вот это, пожалуй, единственное, что я хотел вам напомнить. И, может быть, еще то, о чем постоянно твердил под конец своей жизни святой апостол Иоанн Богослов: «Братья, любите друг друга». И апостол Павел: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», или «закон Свободы», как сказал апостол Иаков. Будем молиться!

25 АВГУСТА. СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ АПОСТОЛА (1 Кор 16: 13-24) Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Какое бы слово святого апостола Павла мы с вами не слышали, оно просто удивительным образом восхищает нас. Даже не верится, что человек, такой же, как все мы, мог находиться в таком Духе, что какое бы слово, даже, кажется, вполне проходное, он ни говорил, оно всегда наполнено этим Духом и силой благодати и любви. Так вот и те слова, которые мы сейчас слышали. Они являются самыми последними словами Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла. Это самый конец Послания. Апостол как бы дает последние наставления и делает некоторые выводы. Здесь все просто. Он не пытается высокоумствовать, он говорит то, что на сердце. Ничего искусственного или сложного в его писании нет. И посмотрите, братья и сестры, что он пишет в этом заключительном отрывке: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды». Бодрствование — это то, что всем нам так необходимо. Поэтому мы сразу, с первого слова, настраиваемся на то, что как бы и к нам относятся эти слова святого апостола. Стойте в вере, потому что в вере тоже можно потерпеть, как говорит апостол Павел, кораблекрушение, т. е. понести некоторый ущерб. «Стойте в вере, будьте мужественны, тверды». И здесь же апостол показывает пример такого мужества и такой твердости. А нам как раз этого часто не хватает — твердости в вере, утвержденности, мужественности. К сожалению, русскому народу вообще свойственна такая недостаточная мужественность в характере. Не случайно можно вспомнить рассуждения, относящиеся к началу века, например, о «вечно бабьем» в русском духе, русской душе. И для нас с вами это, значит, актуально. Нам всем нужно мужество в нашей вере, нам нужна твердость, как бы характер в вере, в духе. Ведь в вере, значит, и в духе. Не просто характер как душевный склад, который есть у каждого, психологический, умственный, а характер в духе. Далее апостол говорит: «Все у вас да будет с любовью». Что здесь удивляет? Кажется, простейшая вещь — Христос открыл нам Бога как Любовь. Естественно, все у христиан должно быть с любовью. Ну что здесь особенного? И тем не менее один нюанс, одно слово здесь нас задевает — раз уж мы приняли к себе слова апостола: «Все у вас да будет с любовью». А верим ли мы, что может быть у нас в принципе все с любовью? Братья и сестры, давайте будем честны перед лицом Божиим и друг перед другом. Верим ли мы в это? Боюсь, что нет. Мы знаем, что это некая наша цель, чтобы все было с любовью, но чтобы мы практически этого от себя требовали, чтобы мы знали, что это реально, что возможно во всем придерживаться этого принципа нашей жизни, принципа любви — вот этого-то у нас и нет. Мы еще часто наполовину как бы сползаем в Ветхий Завет, подзаконно живем. Это в лучшем случае, если мы слушаемся закона. Мы иногда сползаем, сползаем и еще дальше сползаем, а апостол Павел нам говорит: «Все у вас да будет с любовью». И вот этот контекст, этот нюанс снова возвышает простейшие, но основоположные слова до уровня духа, значения и смысла Священного писания. И дальше опять просто, но то, чего мы не делаем, и поэтому, значит, не так просто. Апостол просит о семействе Стефановом, которое есть «начаток Ахаии» и которое посвятило себя на служение святым. Святые — так называли себя христиане. Как вы знаете, Церковь свята, значит, и члены ее святы, и каждый христианин назывался святым. Если кто-то помогал Церкви материально, например, продуктами, то такой человек считался служителем, он нес служение диаконии. Мы вчера с вами утром подробно в связи с памятью мученика архидиакона Евпла говорили о том, что означало в древней Церкви служение святым. Церковь всегда хорошо понимала, что помочь всему миру невозможно, нет таких сил, но внутри себя можно жить достойно, а насколько хватит сил, насколько будет избыток сил, настолько надо помогать и всем, и каждому, с которым Господь нас сводит в

жизни. Так вот, о чем же просит апостол Павел братьев, святых, которым служит семейство Стефаново? «Будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся». Честно вам скажу, я не очень часто вижу у нас, в нашей среде, почтительность к кому-то по этим признакам, по этому критерию. Почитают некоторых по положению, по званию, по возрасту, но чаще всего по внешним, совершенно секулярным критериям. И считается в порядке вещей, когда кто-то служит святым, часто делая это очень скромно, хотя это известно всем, когда кто-то «содействует и трудится» в Церкви. Многие считают: ну и пусть они это делают, а причем здесь мы? Мы ведь все равны. Это тоже, братья и сестры, наш страшный пережиток уравниловки. Мы не очень спешим почитать тех, кто трудится и содействует Церкви, жизни Церкви, друг другу. Мне кажется, это большой наш недостаток. Мы неспособны благодарить наших братьев, мы часто неспособны других поставить выше себя только потому, что они трудятся больше нас. Надо почитать тех, кто служит Церкви. Я думаю, что это великая благодать, когда мы видим то, за что можно ближних наших в Церкви почитать. Об этом-то и говорит апостол Павел: «Почитайте таковых». И дальше, заканчивая Послание, он приветствует церкви, передает привет Акиле и Прискилле с домашнею их церковью. Напомню вам, что означает эта «домашняя церковь». В древности собирались по домам, совершали Евхаристию, поэтому тот, кто принимал Церковь у себя в доме, к кому Церковь приходила как к себе домой, те и были как бы содержателями такой «домашней церкви». Часто специально для этого держали помещения, и братьям было куда прийти. Люди обладали четким сознанием, что то, что они делают, делают не только для себя, и живут не только для себя, в том числе и тогда, когда устраивают свой домашний быт, семейный быт. Боюсь, что нам часто этого не хватает. Правда, у нас очень скудные возможности, как, может быть, никогда прежде в истории последних тысячелетий. Но тем не менее, во-первых, это не у всех так, а во-вторых, часто люди об этом просто не думают. Если у людей есть лишняя комната, лишняя квартира, лишняя машина или еще что-то, то на помощь святым, на помощь Церкви очень часто это не идет. Просто людям это в голову не приходит. Я никого не обвиняю. Это, как говорится, не претензия, а констатация факта, над которым каждому из нас надо подумать: чем мы обладаем, чтобы поделиться с нуждающимися. «Приветствуйте друг друга святым целованием». В древности был обычай в знак любви приветствовать друг друга целованием. Сейчас это, конечно, не всем бывает понятно, и некоторых это даже смущает. Тем не менее древний призыв апостола о приветствовании друг друга, о неравнодушии друг ко другу перед лицом друг друга мне кажется также заслуживающим внимания. «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема», — говорит апостол Павел в конце своего Послания. Слово «анафема» — сложное слово. Я очень боюсь, что не случайно многие его понимают как «проклятие». Мне много раз приходилось с этим сталкиваться. Говорят: «Церковь прокляла Льва Толстого». Я отвечаю: «Да никогда никого Церковь не проклинала, Бог с вами! В том числе и Льва Толстого». Слово «анафема» означает совершенно другое. Оно означает «отлучение». И вполне естественно: кто не имеет любви к Господу Иисусу Христу, тот отлучен от этой любви, отлучен от Христа и, таким образом, от Церкви. В древней Церкви было очень точное еkkлезиологическое сознание. Знали, что членами Церкви являются только те, кто пребывает в полноте любви ко Христу, а значит, к Богу и ближним. Вот что такое Церковь, вот что скрепляет ее, а не какие-нибудь организационные, канонические, законные порядки. Это все пришло потом по мере оскудения любви. Но главное — эта любовь. И если уж апостол Павел говорит: «Будьте мужественны и тверды», то он здесь это и показывает. Анафема тем, кто не имеет этой любви, не имеет этой веры, не имеет этого духа. И добавляет: «Маран-афа», что означает «Господь наш грядет». Есть даже такое чтение вместе — «Анафема маран-афа», т. е. «да будет отлучен до пришествия Господа». Но мне кажется, что лучше старое чтение, через запятую — «анафема, маран-афа». Смотрите, все это происходит перед лицом скоро грядущего Спасителя. И в конце апостол Павел, конечно, желает всем христианам благодати и говорит о том, что любовь его «со всеми во Христе Иисусе. Аминь», т. е. истинно так. Вот, братья и сестры, мне хотелось сегодня на примере этого, на первый взгляд, простейшего текста показать,

насколько он может быть для нас назидательным и утешительным. Даже если думать только о его прямом смысле, не углубляясь в тонкости, в нюансы, в связи этого текста с предыдущими главами, то нам с вами есть над чем подумать, есть в чем покаяться, что изменить в своей церковной жизни. Не будем только забывчивыми слушателями, а всегда, когда читается Писание, будем прилагать его к себе, к своей жизни — личной и церковной, для того, чтобы жить так, как научили нас святые апостолы. Аминь. **СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (Мф 21: 33-42)** Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Вот, мы слышим притчу из Евангелия, притчу, которая снова ставит перед нами предельные вопросы жизни. Что является краеугольным камнем в нашей жизни? А, точнее, кто Он, этот камень? Ведь для нас с вами все эти вопросы во Христе ожили, мы уже не говорим: «Что такое Бог», мы говорим: «Кто Бог наш» и «Кто есть этот краеугольный камень в нашей жизни». Итак, Господь рассказывает притчу о том, как этот краеугольный камень был отвергнут во исполнение пророчества, во исполнение тех слов Писания, которые давно были известны богоизбранному народу. Притча всем вам известна, ее содержание вы знаете и, конечно, понимаете. Вы знаете, что Господь говорил о том, что ждало Его в ближайшее время. И вы, конечно, без труда поймете, что это относится ко всем, кто считает себя народом богоизбранным. А ведь, значит, это относится и к нам, потому что мы — тоже Церковь Божия, и мы сейчас — новый Израиль, богоизбранный народ, дети Авраамовы по вере. Значит, и нам надо остерегаться, чтобы не попасть в ту же ситуацию, когда будем иметь ревность по Богу, но не по разуму, когда духовные критерии единства уйдут и останутся лишь формальные, внешние, жесткие структуры. Братья и сестры, Господь послал и посылает Сына Своего к нам. И мы приняли Его и принимаем. Для нас тягостно слышать эту эсхатологическую притчу. Но мы помним слова Евангелия о том, что в конце времен останется лишь «малое стадо» верных. Значит, действительно многие из тех, кто называет себя верными, кто называет себя христианами, не войдут в это число. Братья и сестры, как мы живем с вами? Есть ли у нас краеугольный камень? Приняли ли мы Его в себя? Насколько мы сродственны с Ним? Насколько приобщены, причащены Ему? Именно этот момент перед началом литургии верных, перед началом таинства Тела и Крови Господних, перед причастием должен стать нашим вопросом. И пусть каждому из нас ответит Господь, Церковь и его совесть. Аминь.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

В этом номере журнала опубликовано 3 свидетельства наших современников об обретении веры, их путь к Богу и в Церковь. Начало публикации нашей новой рубрики см. «Православная община», № 2, 3 за 1994 г. А. К. С ЧЕГО обычно начинают подобный рассказ, с каких слов? Не знаю. Одни встретили на своем пути Христа внезапно, сами того не ожидая, как апостол Павел, другие шли к Нему мучительно медленно, через всю жизнь. К последним принадлежу я, поэтому трудно выбрать исходную точку для начала повествования, так как каждое событие жизни сейчас видится полным глубокого смысла и значения. Родился и жил я в неверующей семье, далекой от веры и Церкви, и никакого понятия о Христе, конечно, не имел, за исключением слухов и глупых суеверий. Приходилось не раз бывать в действующем храме (армяно-григорианском), не раз по примеру окружающих пытался «задобрить» Бога свечками. Хотя родители мои были крещены по обычаю, я крещен не был. И хорошо, потому что крестили бы меня тоже по обычаю, и я бы считал себя уже христианином и, может быть, на этом бы успокоился. До 15 лет «столкновений» с Богом у меня не было. Помню, лет в 10 у меня с одноклассниками был спор: есть ли Бог или Его нет. В доказательство, что Его нет, я плюнул в небо. Молнии не посыпались, но почему-то в тот же день я со слезами просил у Него прощения. Действительно, абсолютно неверующих людей не существует. Бог самыми удивительными

путями приводит людей к Себе. Когда на нашу страну пошла атакой мистика, оккультизм, астрология и т. д., я со всем этим (хотя и в сильной форме) заинтересовался Иисусом Христом. Познания мои о Нем были... Никаких не было! По каким-то своим, неизвестно откуда взявшимся теориям (вот загадка сейчас для меня), я о Нем судил. Но чем больше я о Нем судил, тем быстрее я превращался из равнодушного в сочувствующего. В 15 лет началось самое главное. Мама принесла домой небольшую книгу. Это была брошюра протестантского проповедника Дж. Вандемана «По ту сторону чудес». В ней говорилось о сатанинской природе оккультизма, астрологии и всего, тому подобного, до чего падки были подобные мне обыватели духа. К этому времени я, может быть, стал более, чем сочувствующим, так как после прочтения книги Вандемана передо мной вдруг встала проблема выбора. Вот уже полгода, как я увлекаюсь разгадыванием снов (у меня есть сонник), в руках у меня газета, в которой рассказывается о новом способе гадания. Или—или... Через пять минут сонник вместе с газетой по кусочкам отправляются в мусорное ведро. Суд над «высшим знанием» был скор и окончателен. Однако суд над прежней жизнью еще и не начинался, христианином я не стал. Не все так просто. Прежде чем решиться уйти из Египта, нужно, чтобы опротивело его рабство. Говорят, Бог встряхивает человека страданиями и неудачами, чтобы оживить его. Это справедливо. Неудачи с товарищами в школе и дома в семье, которые я раньше проклинал, теперь благословляю. Вот уж действительно, никакое внешнее процветание не говорит об успехе, никакое бедствие не означает обязательно несчастья. Как живут люди без Бога, как жил я? Ожиданием чего-то. Покажут завтра хороший фильм—есть смысл в жизни, скоро Новый год—становится легче на душе. Но кончится фильм (который сто раз видел), пройдет праздник, а дальше что? Этот вопрос—как каменная стена, против него нет возражений, ибо всякое возражение—ложь, самообман, издевательство над самим собой. Страшнее этого вопроса нет. Нет и спасительнее этого вопроса. Скольких людей он вытаскивал из болота! Сначала он созревает в самом центре твоего существа, но пока его не слышно—его заглушает шум. Тот самый шум, который, как пишет Баламут ("Письма Баламута" Клайва Льюиса), вечно царит в аду. Он помогает заглушать совесть. Но приходит время, когда он с ясностью встает перед человеком: выбирай. Мне было 17 лет, когда я выбрал. В одно осеннее утро я проснулся с решимостью стать христианином. Я хочу им быть; я им буду. Что надо для этого сделать—сделаю. Вот уже два года у меня на полке лежит книга проповедницы Елены Уайт «Путь ко Христу». Я так и не снизошел до нее. Вот она-то мне и нужна. С чего начать, чтобы стать христианином? Начал изучать книгу. В эти дни я видел сон. Я нередко видел сны о Христе и до этого, и после этого. Приятные сны, но, увы,—обман, прелесть. Я только сейчас это понимаю. Но этот сон—единственный из всех, в котором я абсолютно уверен. В нем нет навязчивости, туманности, лести, но есть то, что невозможно объяснить словами, что существует в мистическом опыте каждого христианина. Сон был такой: некто внушал всем ужас, ужас, который бывает лишь во сне. Он преследовал всех и как бы каждого в отдельности. От него нельзя было оторваться. От него исходил страх, невыносимый, невозможный. И вот он стал преследовать меня. Странно было то, что я ясно чувствовал какое-то единство между мной и им, как будто я это он, вот это самое уродство, от которого невозможно спастись. Я побежал, он—за мной. Неожиданно для себя я бросился на колени и завопил ко Христу о спасении. В это же мгновение тот, кто бежал за мной, исчез, исчез вместе с атмосферой ужаса, которая царилла во сне. Вместо нее я ясно ощутил присутствие Христа. Оно было так сильно, что я плакал в каком-то спокойном восторге. Странное сочетание, которое мне не приходилось до этого испытывать. Проснувшись, я понял сон. Тот, кто наводил ужас, был мой грех, греховность во плоти, то, что мы не видим и не слышим из-за поверхности жизни, но что на самом деле ужасно. Только Христос может спасти от преследований греха, но пока человек не ужаснется, глядя на себя, он не может по-настоящему пойти за Христом. Потом я прочел в Евангелии слова о том, что только возненавидевший себя может стать учеником Христа. Странно, но я почти совсем не помню дня своего обращения и того, что тогда произошло. Но я уже стал считать себя христианином. В церковь не пошел: у меня были

предубеждения против церкви. Мне нравились протестанты; их я считал истинными христианами. Однако у нас в маленьком городе не было протестантской общины, и мне пришлось выходить из положения самому. Во-первых, необходимо было достать Библию. В храм идти не хотелось, а в магазинах в то время Библия не продавалась. Но, зайдя в книжный магазин, я увидел Евангелие и купил. Когда прочел его, понял, что необходима вся Библия. Опять пошел туда. В этот день получили новые книги, среди них—Новый Завет. Стал читать его. Но с христианскими книгами было бедновато. Первый мой православный писатель—о. Александр Мень. Я на его книгах воспитан. Он потом меня через них спас от гибели. Вот это очень важная для меня часть рассказа; с ужасом к ней подхожу. Как известно, мы погибаем от множества лжехристов и лжепророков, пророчащих о «конце света». На удочку одного из них я и попался. Летом 1993 г. попала мне в руки листовка небезызвестного «Белого братства». До сих пор с содроганием вспоминаю о последующих событиях. Я засомневался: «А вдруг действительно Христос пришел на землю?» И, решив покончить с мучившим меня вопросом, обратился к Богу с молитвой: «Открой мне глаза, укажи, правда ли то, что в этой листовке написано». Я и раньше молился Богу в трудных случаях, но сейчас молился с желанием получить определенный ответ: «Да, правда». Мне хотелось, чтобы последний день наступил скорее, так как считал, что трудно жить долгую жизнь на земле со всеми ее бедами. Конечно, я не явно так думал (явно я «хотел» воли Бога), но в глубине сердца, в образе жизни (я почти забросил Библию) это желание было сильно. И вот во мне стало укрепляться чувство, что все эти листовки справедливы. Я доверился этому чувству, хотя меня многое смущало: агрессивность «братьев», недопустимый тон листовок и т.д. Но я подавлял голос разума и давал волю «интуиции», так как считал, что если я положился на Бога в таком деле, то не может быть, чтобы Он меня подвел и дал погибнуть, поверить лжи. Я ведь и раньше молился Ему: «Не дай мне принять ложного пророка и отвергнуть истинного». У меня был опыт—при помощи молитвы я не поверил мунистам. При такой уверенности я стал все больше верить «белым братьям», а чем больше им верил, тем больше считал нужным верить (ведь Бог не даст погибнуть доверившемуся Ему). Это был заколдованный круг. Состояние у меня по принятии «живого Бога» было похоже на состояние по обращении, в чем я видел доказательство истинности своей новой веры. Но самое странное в этой истории то, что я понятия не имел о вероучении секты. Иисус говорил, что Его слова не изменятся, поэтому я не считал нужным разбираться в учении «белых братьев». Я жил так, как раньше, понятия не имея о запретах и табу этой секты. Из дома я не уходил, учебу не оставлял, никого не проклинал, родителей не бросал. И еще ужасно (нет, хорошо!) то, что я не был знаком (и даже слова не сказал) ни с одним из «братьев». Как-то не пришлось. Я считал, что доверился Богу абсолютно, а значит, искать новые доказательства—акт недоверия и маловерия. Если бы это была ложь, Бог по моей молитве оградил бы меня от нее. Вот на чем держалась моя «вера». Интересно еще и то, что лидеры секты мне не нравились, газеты их я читал с отвращением, но боялся себе в этом признаться. Мне нравился прежний Христос, Иисус, и совсем не нравилась Мария Дэви. Однако я укорял себя в этом и даже нашел аргумент: «Иисус после Воскресения в другом облике являлся апостолам, однако это не помешало им узнать Его, полюбить». Вся эта история была бы смешна, если бы не моя активная проповедническая деятельность. Мне казалось предосудительным спокойно сидеть дома, когда «Христос» и «братья» «спасают» людей. Сам я сочинил текст листовки и за два месяца расклеил 194 экземпляра. Расклеивал их в метро (не боялся и не ленился вставать в 5 утра), в поездах, автобусах, на улицах, в подъездах и т. д. Написал кучу посланий в разные религиозные организации и письма в газеты. Чуть не обратил в свою веру маму. Слава Богу, не обратил. Приходилось спорить (и весьма долго) с прихожанами одной протестантской церкви. За два месяца наделал я дел, не могу спокойно об этом вспоминать, хотя и уже очистил себя покаянием, и омыл святым крещением (я тогда не был крещен). Однако сомнения не покидали меня. Я был неуверен в своей вере. Чем больше я запутывал себя софизмами и казуистикой, чем больше применял свой главный аргумент, тем сильнее сомневался. В молитвах даже боялся обратиться: «Мария Дэви...» Предпочитал

представлять перед собою Христа. Кривил душой. Дни проходили в напряжении, вера моя висела на волоске. Я старался всячески ее поддержать: «Не может быть, чтобы Бог подвел меня. Он же говорит: »Стучите и отворится. Просите и получите". Однажды у меня появилось сильное желание на все махнуть рукой и бросить веру вообще—всякую. У меня было чувство, что тонкая пленка отделяет меня от гибели: вот-вот порвется, вот-вот я махну рукой. Достаточно было механического движения. Но выдержал. Прошел срок «конца света». Всех переловили. Я остался один. Листовки больше не клеил. Ничего не произошло, все—как прежде. Но я не унывал: «Не может быть, чтобы Бог так поступил с человеком, дал ему погибнуть». И вот однажды вечером, 16 января 1994 г., в воскресенье, я читал книгу о. Александра Меня «В поисках Пути, Истины и Жизни». В ней были какие-то слова о том, что люди легко поддаются лжепророкам. Они меня очень смутили. На меня нахлынула такая волна сомнений, что я чуть не задохнулся. Я был в исступлении, в полной растерянности, во мраке, в ужасной тоске. Невыносимое состояние! Я боялся обратиться к Богу с молитвой об истине, так как считал актом маловерия повторно обращаться к Нему с такой просьбой. Но вера моя была подорвана. Потом я вопил к Марии Дэви: «Спаси от сомнений», не помогло. Меня мучили слова Христа: «Если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там—не верьте». Библию в руки взять страшился—акт маловерия. Что я тогда пережил, трудно выразить. В конце концов я все-таки раскрыл Библию на тех самых словах. В лихорадке, с дрожью, с какой-то мертвящей решимостью я стал тщательно изучать все сказанное Иисусом о лжехристах, обращаясь к параллельным местам. В голову ничего не шло. И вдруг я понял. Все понял. Пришло осознание того, что я нашел решение. Кончились сомнения, где-то в глубине моего существа кончились. Мне осталось ждать. Вот я ощущаю, что стремительно лечу к тонкой пленке. Все уже решено, мне остается ждать. Пленка прорвалась. В это мгновение я ощутил Христа, Его Самого. Настолько сильно, что нет слов, чтобы это выразить. Вот Он здесь, в этой комнате, но в то же время везде. Такого я не ощущал даже в первое свое обращение. У меня вырвался вздох облегчения. Наконец-то! Я тут же порвал листовки, все эти газеты, все—в мусорное ведро. 29 января 1994 г. я был крещен, так как давно этого хотел и стремился в Церковь, жаждал ее. Что мне дал этот опыт? Очень многое. Я научился важному—не полагаться на чувства, на восторг, на вдохновение. Я полюбил Церковь, Библию. Таким вот, казалось бы, странным образом Бог ответил на мою молитву: «Помоги мне отличить истинных пророков от ложных».

Л. Ш.

КРЕСТИЛА меня бабушка в раннем детстве. Нельзя сказать, что я выросла в верующей семье, но и атеистической мою семью тоже не назовешь. Я не могу сказать, что с детства верила в Бога, но я всегда точно знала, что в мире существует Сила, создавшая этот мир и помогающая ему выжить. Мне запомнилась кем-то сказанная фраза о том, что случайное возникновение жизни на земле возможно, если допустить, что на свалке из разбросанных деталей сам собой соберется автомобиль. Мое детство и юность были обычными: детский сад, школа, педагогическое училище. Несмотря на то, что со мной и вокруг меня не происходило ничего сверхужасного, я всегда знала, что на этой земле в отличие от сказок редко бывает счастливый конец. Я много читала, пытаюсь найти ответ, как жить, чтобы хотя бы немного улучшить этот мир, свою жизнь и жизнь своих близких. Очень долго я считала себя лишним человеком. Мне казалось, что я родилась слишком рано или уже слишком поздно. Нельзя сказать, что я была одинока—у меня всегда были друзья, но время шло, друзья менялись, а жизнь оставалась такой же пустой. Все началось, наверное, когда в нашей стране стала меняться идеология. Откуда-то появились новые книги, новые люди. Меня всегда интересовали люди. Только не макареновский коллектив, а каждый человек в отдельности в отношениях с другими людьми. Из-за этого я любила большие шумные компании, где можно было затеряться и наблюдать. Потом наблюдение и созерцание стали одним из моих любимейших занятий. Позднее, в педагогическом училище, я познакомилась с психологией и полюбила ее всей душой. Сейчас я

думаю, что к стремлению познать Бога меня привели события, происшедшие со мной после окончания училища. Тогда они казались случайными, малозначимыми. Но вот теперь их можно выстроить в цепочку. По окончании училища я долго не могла устроиться на работу по специальности. Пришлось идти не туда, куда надо или хочется, а туда, где требовались люди. Меня устроили на работу, от которой ничего нельзя было ожидать. Были мечты об институте, о дальнейшей учебе, интересной работе, которой можно было бы посвятить жизнь. Но получилось так, что я познакомилась с интересными, умными людьми, всерьез думающими о вере, о Боге. Затем вместе с ними оказалась на освящении вновь открывающегося храма, расположенного рядом с нашей организацией. Потом начала читать и духовную литературу, изредка заглядывать в храм. Далее события развивались вполне определенным образом. Еще в юности я знала, что если выйду замуж, то обязательно буду венчаться. Когда же я познакомилась с моим будущим мужем и пришла к нему в дом, то увидела там иконы, Библию и поняла, что и он не будет против венчания. Я познакомилась и с его бабушкой—истинно верующим человеком. Меня всегда удивляло, как неграмотная старушка может быть такой умной и мудрой. Сейчас я думаю, что в этом ей помогала и помогает крепкая вера в Бога и стремление жить по заповедям Его. Мы с мужем обвенчались, тогда же совершилось мое первое причастие. Венчалась я в том храме, в котором крестилась в детстве. Потом у меня появились настоящие друзья—Владимир и Татьяна. Мы одновременно, почти независимо друг от друга пришли к вере в Бога, а помогали и помогаем друг другу в укреплении нашей веры. Общаясь с моими друзьями, я прошла длинный путь увлечений. Удивительно, что и чтение атеистической литературы, и увлечение оккультизмом может привести к вере в Бога. Еще в училище на уроках научного атеизма мы изучали различные религии, и на наш вопрос, зачем нам знать то, что мы отрицаем, преподаватель ответил, что нужно знать суть того, что отрицаешь. Потом я поняла, что можно прийти к вере и от противоположного. Я могу назвать три конкретных события, непосредственно приведших меня к Богу, в Церковь. Они произошли почти одновременно. Итак, увлечение оккультными науками, в частности, астрологией, привело меня на курсы народных целителей, где нас учили лечить людей не только при помощи магнетизма, космических энергий, но и молитвы, призывая имя Иисуса Христа. Я пошла на эти курсы, уже тогда понимая, что это не мой путь, я не буду этим заниматься. Своей цели я достигла: укрепились в вере, научилась личной молитве, чтению Библии. Жизнь случайно свела меня с людьми из секты свидетелей Иеговы. Они меня заинтересовали, и я попросила у них литературу, из которой узнала, что лечение энергией ничего хорошего принести не может. Авторы этих книг, как и наш учитель на курсах, тоже ссылались на Библию. Когда я задала нашему учителю вопрос,—почему?—то он ответил весьма уклончиво и невразумительно, ответил, что и иеговисты занимаются этим же; Его ответ окончательно поставил крест на моих занятиях целительством. Я рассказала Владимиру о встрече с иеговистами и он, посоветовав почитать о них, предложил книгу протоиерея Митрофана Зноско-Боровского «Православие. Католичество. Протестантизм», которая многое мне прояснила, и я рассталась с иеговистами. Потом Владимир подарил мне книгу священника Родиона «Люди и демоны». Эта книга окончательно положила конец моим занятиям астрологией. Книжки по астрологии покрылись пылью. Так Божьей волей два беса, раскрыв для меня свою сущность, поборол друг друга. Перед этими событиями я просила Бога помочь излечить мою близорукость. Господь почти мгновенно исполнил мою просьбу. Помощь пришла неожиданно. Врачи сделали мне операцию и вернули почти стопроцентное зрение. Тогда я окончательно поняла, что человек всегда получает то (если добивается того), к чему стремится. Только потом он начинает думать, того ли он хотел, и если—того, то забывает, Кто ему это дал. Вот и я умудрилась совмещать веру в Бога с занятиями астрологией и целительством. А может быть, это была проверка. Слава Богу, что я не успела все это испробовать, а занималась лишь теорией. Получив диплом об окончании курсов народного целителя, я поняла, что он нужен только для того, чтобы показывать его детям и говорить: «Так жить не надо». Хочется назвать еще одну книгу, которая поставила точку на занятиях оккультизмом для меня и моей подруги

Татьяны,— "Князь мира сего" Г. Климова. Она просто потрясла нас: ведь мы встретились с дьяволом лицом к лицу, увидели—и побежали прочь. Вскоре я узнала, что Владимир проходит оглашение и собирается креститься. Я стала задавать ему вопросы о Библии, молитве, храме. Он отвечал на них, а потом пригласил меня на «открытую встречу». Так я оказалась в Огласительной школе. А помогала мне ходить в церковь и на первые огласительные встречи книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», подаренная Татьяной к Рождеству Христову. Теперь, когда я иду на работу, каждое утро проходя вблизи от храма, я молюсь и благодарю Бога, за то, что Он послал мне такую работу, которая не отнимает у меня много времени и позволяет учиться жить по заповедям Божиим. Я благодарю Бога за путь, который лежит через храм.

И. Г.

Муж с сыном крестились в один день в Коломенской церкви в 1987 г. Я в семье одна осталась некрещеной. Постепенно стала чувствовать душевный дискомфорт, желание креститься росло с каждым годом. В 1991 г. мое крещение состоялось в Даниловской церкви, хотя по форме оно мне не очень понравилось. Впервые я услышала о. Георгия на «открытой встрече» Огласительного училища во Владимирском соборе бывшего Сретенского монастыря, куда привел меня муж летом 1993 г., который в это время проходил оглашение. Впечатление от встречи было большим и, тем не менее, в группу оглашаемых я не записалась, вышла из церкви и уехала домой. В течение последующих месяцев началась душевная работа. Она возникла сама по себе, независимо от меня. Было много сомнений, но я остро чувствовала, что настало время выбрать путь. Наступил главный, самый ответственный этап в жизни. Все прошлые годы показались бесцельными. Но суета затягивала: недостаток времени, работа, семья. В душе шла борьба. Хотя муж не настаивал на моем решении, его влияние я ощущала. Следующая встреча с о. Георгием состоялась в 1994 г.*. Поехали втроем—я, сын и муж. Опоздали, стояли у входа на лестнице. Вначале я порывалась уйти, так как было плохо слышно, ничего не видно. Затем стала прислушиваться, ловить каждое слово. И именно после этой встречи я четко поняла, что путь выбран и я буду идти им. Другого решения быть не может. И сейчас, анализируя свой приход в церковь, я понимаю, как важны для начинающего христианина все огласительные встречи, которые проводит о. Георгий. 4 ноября 1994 г.* Начало публикации материалов «открытой встречи», о которой упоминает И. Г. см. в настоящем номере журнала в рубрике «Миссионерство, катехизация».

: Первая открытая встреча в огласительном училище при МВПХШ (январь 1994 года)М УЧИЛИЩЕ ПРИ МВПХШ (ЯНВАРЬ 1994 ГОДА)

Миссионерство и катехизация

ЧТО ТАКОЕ "открытые встречи"? Это с середины 80-х годов регулярно ведущиеся нашим братством и Огласительным училищем миссионерско-предоголасительные встречи с людьми, интересующимися христианством, которые или совсем не считают себя христианами, стоят на каких-то других духовных позициях, или имеют принципиальные сомнения в христианстве и стоят перед выбором. Это встречи для взрослых, обычно старше 20 лет. Встречи - свободные по форме и духу. Как правило, их бывает три (с интервалом в две недели). Длятся они около трех

часов, но иногда и больше. Выступающие (обязательно полные члены Церкви) заранее не известны. Проходят они обычно в небольших светских конференц-залах на 300-500 человек, а в последнее время - в храме. Эти встречи не требуют рекламы. В среднем в них участвуют 20-25% некрещеных, регулярно причащающихся практически нет, остальные - крещеные, но нецерковные. На оглашение приходит приблизительно 2/3 участвовавших в "открытых встречах".

Встречи проходят трижды в год с таким расчетом, чтобы следующее затем годовое оглашение завершалось на Рождество, Пасху или Успение. За пределами Москвы или в других особых условиях весь цикл может носить как более камерный, так и более специфический характер, однако схема первых двух встреч, как правило, сохраняется.

Священник Георгий Кочетков

Я приветствую всех вас здесь и рад, что сегодня людей больше, чем даже в прежние наши встречи. Разговор пойдет о Боге и о духовной жизни, но он не будет данью моде. Когда современный человек решается заговорить о Боге, то он начинает оправдываться. И к сожалению, есть люди, которым хочется, чтобы разговор о Боге, о Церкви, тем более о Православии, был просто модой.

Сегодня мы будем тождественно употреблять понятия "Христианство" и "Православие". Мы будем рассказывать вам о "Христианстве из своего внутреннего христианского православного опыта, и говорить о Православии не только как о русском, или греческом, или еще каком-то восточном христианстве. Мы будем иметь в виду всю христианскую традицию, раскрывающуюся до сих пор с апостольских времен, со времен Самого Христа. Вот это я сразу хотел оговорить, чтобы нам не тратить время на бесплодные споры о том, какая конфессия лучше и чем одна отличается от другой. Нам интересно общаться с вами, и мы построим нашу встречу так, чтобы ни вы, ни мы не пожалели о том, что пришли сюда. Мы будем обращаться к вам с позиции полноты духа и полноты смысла, полноты Истины, Любви и Свободы, т. е. всего того, о чем Христианство не просто говорит, "но что оно именно являет в своем опыте, в своей жизни.

Я хотел бы снова обратить ваше внимание на то, что Христианство на всех ступенях, на любой глубине проверяется опытом, и мы с вами будем говорить, исходя из своего опыта. Здесь присутствуют не только христиане, но все те, кто пришли сегодня к нам - взрослые люди, имеющие свой духовный опыт, какие-то удачи и неудачи. Все вы живете в соответствии с теми или иными принципами, делаете из всего, что вы видите и слышите определенные выводы, и не очень спешите с ними \ расставаться, как и всякий взрослый человек. Нас вполне устраивает такая ваша устойчивость, жизненная и духовная, хотя повторяю, мы приглашаем отнюдь не только христиан. Эта встреча рассчитана в первую очередь на тех, кто может быть еще и не считает себя христианином, во всяком случае, человеком православным, церковным, или кто имеет серьезные сомнения на этом пути. В первой части нашей встречи мы с вами поговорим о вещах, быть может, сложных, спорных, но мы поделимся в них своим христианским опытом; во второй же части те из вас, кто захочет остаться и продолжить эту встречу, смогут задать любые вопросы по нашей общей теме.

Очень важно помнить о том, что современный человек стремится обрести не просто устойчивую форму жизни. Конечно, бесформенность и, следовательно, безответственность - качества далеко не похвальные. Но форма не должна довлеть, давить, насиловать, она не должна загонять в клетку все живое, трепетное, свободное. К сожалению, у многих из нас есть

предрассудки и, наверное, атеистических или антицерковных предрассудков значительно больше, чем собственно религиозных. Но в наше время, к великому сожалению, быстро возрождаются и религиозные предрассудки. Не Вера, не Жизнь, а именно предрассудки и суеверия. И что особенно прискорбно, это "возрождение" нередко выступает под флагом христианства, под флагом церкви, под флагом православия. Поэтому нам с вами необходимо отделить христианство, Церковь, Веру от всех этих предрассудков. Чтобы снять с души тяжесть, чтобы уничтожить перегородки, мешающие принять Веру всей жизнью, всем сердцем и умом, всей силой души вам надо определиться в основных понятиях и реалиях духовной жизни. Всякий современный человек стремится именно к такой цельности и последовательности. Такое стремление есть и вне, и внутри Церкви и его, на мой взгляд, следует высоко ценить. Поэтому мы будем с полным доверием относиться и к вашему опыту, и к вашим стремлениям, которые у нас с вами часто общие.

Я не думаю, чтобы кто-то пришел сюда для того, чтобы разрушать и вносить хаос. У нас одна цель - обрести твердые основания нашей жизни, твердый фундамент, который, согласно учению Церкви, есть Христос. Поэтому нам с вами надо говорить о Христе.

Образ Христа очень трудно воспринимается современным человеком. У него этот образ какой-то ненатуральный, слащавый или же, наоборот, чересчур фривольный, абстрактно-космический, т. е. тоже не натуральный. Нам с вами очень важно знать подлинный лик Христов, чтобы внутренне ощутить то, почему мы имеем право и в наше время, как и две тысячи лет назад, говорить о Христе как о камне, на котором человек может стоять крепко всю свою жизнь и здесь, на земле, иметь надежду вечности.

Для того чтобы говорить о Христе, нам надо произнести одно слово, которое кажется таким понятным и в то же время, как показывает опыт, - таким малопонятным: Христос есть Богочеловек. Он наш Спаситель именно потому, что Он - Бог, и потому, что Он - человек. Все это, казалось бы, так понятно, и все же я уверен, что ни о каком понимании здесь еще не может быть и речи.

Кто есть Бог и кто есть человек? Нам трудно говорить о Боге, Который невидим, но все-таки ощутим сердцем нашим: когда мы отождествляем опыт общения - с Богом, когда мы знаем, что такое благодать, то мы начинаем познавать Бога. Да, трудно говорить о Боге, ибо это реальность непривычная, это благодать, это свет и радость, и мир, но реальность все же и та, к которой мы привыкли с детства. Это не объективная реальность, которая так или иначе может быть уловлена вовне. Но это и не субъективная реальность, которую можно ощущать, которую один может ощущать так, а другой - иначе, и зачастую эти ощущения никак не согласуются между собой, о вкусах, как говорится, не спорят. Так вот, самое трудное в Боге есть именно то, что Он и не объективен, и не субъективен. И потому Он близок нашему сердцу, нашему уму, близок каждому человеку. Об этом нам постоянно свидетельствует и Священное писание. Бог вблизи каждого человека, даже если человек Его не знает. И уйти от Бога человек не в силах. Он может потерять Его в сердце своем, и тогда он искренно говорит: "Бога нет". И действительно нет, если нет Его в сердце. Если в опыте нет Бога, то Бога нет. Но в человеке Он может жить, устроив Себе престол из сердца человеческого. И тогда Бог есть, тогда Бог открывается нам как живой Бог, как Дух, как та Свобода и Любовь, к которой влечет всякого человека в лучшие, высшие моменты его жизни.

Особенно трудно говорить о Боге, когда человек переживает что-то противное Богу, когда он как бы отвернулся от Бога и поэтому Бог Сам не может пробиться через стену, которую человек воздвигает между Ним и собой. А Бог никого никогда не принуждает насильно, хотя Он и есть Сила. Бог есть Дух, а Дух есть сила. Но насильно принуждать к чему-либо человека Бог не может, это может один человек по отношению к другому. Человек насильственно

овладевает этим миром, - животным, растительным, космическим, он даже с самим собой подчас ведет себя как насильник, но Бог насильственно завладеть человеком не может.

Бог может лишь призывать и этот призыв мы с вами можем услышать. А Бог говорит на таком языке, который понятен каждому, потому что у каждого человека есть сердце, т. е. сердцевина его бытия, которую мы называем "образом и подобием Божиим". Этот образ Божий есть и в каждом из вас, даже если вы пребываете в унынии, отчаянии, агрессии или чувствуете в себе зло, озлобление. Даже если и искажается этим образ Божий, он не истребляется до конца. Богосродный корень сохраняется в вас.

То, о чем я сейчас говорю, это дело веры, но веры живой. Вера не есть набор правил, и христианство не сводимо к набору заповедей. Современный человек это чувствует. Я думаю, вы с этим сталкивались не однажды. Едва ли вас привлекало бы христианство, если бы его можно было свести даже к самым идеальным, самым прекрасным, но правилам. Если нет свободы, то нет чего-то важного, а от веры, от сердцевины нашей жизни мы хотим полноты. Давайте об этом задумаемся.

Нас многое отвращает в "христианстве". Нас пугали "христианством", когда внушали: "Мы знаем, они нищие духом, у них духа нет, и они его не хотят". Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это обычная клевета. Когда в Евангелии говорится: "Блаженны нищие духом", то утверждается прямо обратное. Говорится о том, что человек должен искать и просить духа самым активным образом, иначе он умирает, как нищие от голода и холода.

Наверное вам приводили и другие высказывания из Евангелия, толкуя их в ином, противном духу смысле. Например, подставь под удар Другую щеку. Как же это? Неужели следует подчиняться злу, потворствовать ему? Как будто в нашей жизни мало зла! Никого и никогда не удовлетворит капитуляция перед злом, даже если человек и сам злой. Наверно не все мы всегда бываем добрыми. Но тем не менее мы не хотим зла и ищем пути добра. Поэтому капитуляция перед злом нас не устраивает и нам не хочется подставлять другую щеку. Но Евангелие говорит нам об этом в ином смысле, утверждая, что это есть путь борьбы со злом, ибо Евангелие доносит до нас истину, которую знает всякий, живущий по Евангелию: злом победить зло невозможно. Злом можно в лучшем случае лишь на время ограничить зло, поставив преграду его распространению. Поэтому мы говорим о других путях борьбы с ним, мы утверждаем, что добро сильнее зла, а любовь - и есть та сила, которая стоит еще выше, чем добро.

Наверное, вы слышали и о том, что есть такое странное понятие - "смирение". И при этом ваше воображение рисовало образ человека раболепного, стоящего на коленях и не дерзающего разогнуть спину. В жизни бывают случаи, когда что-то ставит человека на колени и, тем' не менее, никак нельзя призывать к этому как к некоей естественной норме человеческой жизни. Конечно же, человеку при этом не должно и гордиться, не должно искусственно себя превозносить. Не случайно в Писании сказано: "Бог гордым противится, а смиренным (т. е. себя не возвышающим) дает благодать". И однако, смирение имеет еще и иной смысл: смирение есть то, что дает нам чувство меры и дарует нашей душе мир. Корень смирения - мир и мера. И для нас с вами это принципиально важно. Мы должны знать свою меру и стремиться к миру в своем сердце.

Наверное, у многих из вас возникали вопросы о том, почему умирают дети, или почему живет в людях столь невероятная жестокость? Как Бог может это терпеть, если Сам Он - Любовь и Добро? Этот вопрос чрезвычайно важен, он не наивный и не детский. Христианство не принимает зла и греха, не принимает насилия, не считает его оправданным до конца ни в каких случаях. Для нас очень важно то, что Бог не мучает никого, наоборот, Он спасает от

страданий, а более всего от зла и греха, от всего того, что неправо пред Ним.

Я сейчас назвал лишь несколько вопросов, которые чаще всего встречаются в жизни взрослого человека. На них не трудно ответить, но через них нелегко переступить. Последний вопрос является, может быть, самым большим камнем преткновения. Мир, сотворенный Богом, "лежит во зле" и рождает новое зло. Есть такой закон в этом мире, лежащем во зле: зло рождает новое зло, и это зло способно касаться самых невинных душ. Это страшно не тогда, когда мы об этом говорим, а тогда, когда мы с этим встречаемся или, не дай Бог, когда мы это испытываем на себе. Но ведь не Бог ведет войны и убивает невинных детей! Это делают носители зла, слуги мира сего, отпавшего от Бога, и поэтому Бог делает все, чтобы вернуть этот мир и свое возлюбленное чадо - человека - к Себе.

Мы не раз сегодня повторяли, что о Боге говорить трудно. Но еще труднее говорить о человеке, и именно потому, что здесь все кажется таким понятным. Мы каждый день встречаемся с множеством людей, - или непосредственно, лицом к лицу, или по телевидению, по радио, посредством газет, книг и т. д. И при этом очень часто, встречаясь с человеком, мы не видим в человеке человека и человеческого, и в сущности не знаем человека. Нам с вами крайне необходимо узнать, кто есть человек, как и столь же важно было уразуметь, кто есть Бог. Как пред Богом надо открывать свое сердце в великом акте веры, так и перед человеком. Само Христианство есть вера в Бога и вера в человека, и одно не существует без другого. Без веры в Бога не во что верить в человеке, а без веры в человека невозможно узнать живого Бога. Ибо всякий человек есть живая икона Бога, живой образ Божий. "Икона" - греческое слово, и в переводе означает именно "образ".

То, о чем идет сейчас речь, для нас с вами - вещи не абстрактные. Я в этом глубоко уверен, я это вижу по вашим лицам, по вашему напряженному вниманию. Это не абстракции потому, что когда мы сталкиваемся с этими тайнами нашей жизни, наше сердце начинает говорить. Мы часто страдаем и оттого, что сами не видим образ Божий в ближних наших, и оттого, что в нас не видят живой иконы Бога, и смотрят на нас, как на мертвый предмет, словно человек - это всего лишь некая высокоорганизованная машина, или, в лучшем случае, животное. И когда на нас так смотрят, нам становится не по себе. Мы чувствуем, что в таком подходе заключена страшная ложь, потому что ни в животном, ни тем более в машине, нет Бога. Машина - бездуховна, животное, хотя и душевно, - не духовно, а Бог есть Дух, и человек - духовен.

Мы хотим, чтобы нас видели и признавали как существа духовные и, следовательно, уникальные. Мы не хотим быть пешками. Правда, зачастую, свое подлинное человеческое призвание - стать личностью, "родиться свыше", "от воды и духа", мы путаем с яркостью индивидуальности и думаем, что если мы внешне чем-то отличаемся от других, то мы уже стали личностью и исполнили свое предназначение. Конечно же, это не так.

Во Христе в некоем особом единстве соединились и тайна Божья, и тайна человеческая. Познавая Христа, мы познаем Бога, и не случайно Евангелие говорит нам от имени Христа: "Я и Отец Небесный - одно". Во Христе эта божественная жизнь соединилась с тайной человеческого бытия, человеческого существования. Поэтому познание, внутреннее проникновение в жизнь божественную и человеческую становится возможным для каждого человека через Христа. По какому-то особому дару свыше и человек ощущает это призвание и жаждет обладать этим даром и реализовать его. Он не хочет умереть, не раскрыв в себе этого дара, предчувствуя, очевидно, что в противном случае он лишится чего-то самого важного в своей жизни. Иначе вообще непонятно, зачем он жил. И мысли эти вполне уместны и для молодых людей, и для старых, и для здоровых, и для больных, они уместны для всех и во все времена. Другое дело, что мы, к сожалению, не всегда имеем такую силу духа, чтобы носить в себе эти мысли и относиться к ним с должной серьезностью. Нас давят те же предрассудки:

культурные, социальные, национальные, исторические, семейные, научные, психологические, даже этические.

Сегодня мы говорили о Боге и о человеке, что особенно трудно в наше, не слишком человеческое время, и мне хочется сказать еще о том, что призвание человека связано именно с Богопознанием и исполнением воли Божьей. А для исполнения воли Божьей нужно то, что на церковном языке называется "покаянием"!

Вот уже не первый год слишком часто звучит это слово, оно стало чуть ли не модным. Почти каждый день им пользуются в разных контекстах, произносят его с большей или меньшей степенью глубины. Но, как говорится, воз и ныне там. И такое положение дел настораживает. Мы как-то походя миновали важнейшие вехи истории, мы прошли мимо них без покаяния, без внутреннего изменения, без подвига, без желания исполнить волю Божью, т. е. вернуться к Правде в нашей жизни, вернуться на истинный путь. И в результате люди до сих пор говорят: "Как раньше было хорошо! Была религия, и все знали правила, знали закон, и боялись, и поэтому все было хорошо. Народ перестал бояться, и вот тут-то зло расцвело. Значит, страх необходим, и лучше всего пугать друг друга, особенно хорошо пугать друг друга Богом, потому что выше апеллировать некуда".

Вот это - страшная вещь, когда только для того хотят смирять друг друга и приводить к покаянию, чтобы самим жить приятнее, комфортнее, богаче. Когда это все существует для нашего соседа, а не для нас. Мы умудрились выползти еле живыми после 70-летнего искушения и при этом не измениться. Даже то, что сейчас не только по моде остается интерес к вере, к церкви, к духу, к жизни по духу - еще не является гарантией того, что человек жаждет этого для себя в хорошем, не эгоистическом смысле, ибо иметь добро в себе, - это значит иметь его не для себя, а для ближнего, значит уметь жертвовать своим достоинством и даже самим собой. Это основной признак любви, а любовь к Богу и ближнему - основная заповедь в Ветхом и в Новом завете.

На этом я сейчас закончу и предоставлю слово тем из наших братьев и сестер, кто захочет поделиться с вами своим внутренним опытом, "как на духу". Вы совершили шаг внутреннего доверия, придя сюда, и нам хочется сделать такой же ответный шаг. Итак, если мы сами захотим исполнить волю Божью и сами решимся исправить нашу жизнь, получив дар духа Христова, духа богочеловеческого, включившись в жизнь Тела богочеловеческого, которое называется Церковью, если в нас это есть, - тогда мы можем смело идти дальше, идти вперед, несмотря на то, что путь далек, узок и не всегда виден и ведом. В духовной жизни нужно уметь выбирать и иметь смелость идти на риск, повторяю, независимо от возраста, образования, культуры, профессии, национальности и т. д. Все это должно отступить сейчас перед лицом Божьим. Может быть то, что я сейчас сказал, кому-то из вас покажется не бесспорным, но у нас будет возможность поговорить об этом во второй части нашей встречи. Сейчас я передаю слово другим.

Александр Копировский

Наверное, важнее всего на такой первой встрече сказать о своих личных свидетельствах, которые связаны с обращением к Богу. Потому что, как вы уже поняли, большинство присутствующих здесь людей, которые будут говорить о Боге и о вере, испытали опыт обращения в сознательном возрасте. Я здесь не исключение.

Это было более 20 лет назад. Я почувствовал, что Бог есть, в Успенском монастыре в Печорах,

летом, когда какое-то "количество" природы словно перешло в иное "качество". Когда вдруг стало ясно, что это не вообще красота, что это не вообще какая-то мягкость, приятность, изобилие, даже тайна, а что за всем этим, действительно, стоит Личность. Это было ощущение, которое невозможно из меня вытравить, как и из любого человека, который это испытал. Бог, безусловно, есть. Второй момент был, когда мы возвращались из этой поездки в 1971 г., ночью, в поезде, когда мне вдруг захотелось сказать об этом другим. Вы, наверное, скажете, что это своего рода болезнь, которая нападает на любого человека: что-то узнав, тут же начинать учить других. Но теперь, 20 с лишним лет спустя, вспоминая об этом, я хочу сказать - мне тогда совершенно не хотелось никого учить. Мне очень хотелось с кем-то поделиться тем, что я чувствовал, я потом об этом прочитал в Евангелии, что "от избытка сердца говорят уста". Когда они говорят всерьез - они говорят от избытка сердца. Не от избытка знания, не от избытка душевности, эмоций, а от сердца как от сердцевины, которая вдруг открылась и оказалась, что сердцем человек связан с Богом, даже когда он об этом не знает. Мне именно хотелось говорить с огромной радостью о Боге, хотя я еще в тот момент очень мало что знал.

И теперь, мне кажется, что об этом важно задуматься людям, которые ищут смысла в жизни, или ищут правды, справедливости. Нам в нашей жизни очень не хватает правды. Но когда мы сталкиваемся с правдой, она часто оказывается слишком жесткой. Правда тесно связана с законом, с ограничением, с тем самым правилом, о котором сейчас говорил о. Георгий.

Конечно, вера - это заповеди. Все знают: "Не убий", не делай того, сего, или, если уж делай, так делай с некоторой обязательностью. Но вера связана в первую очередь с радостью, с полнотой, с тем, что Бог свидетельствует человеку о Себе. Иначе этот закон не выполнить. А если и удастся его выполнить, то это обязательно связано с некоторой ущербностью. Человек может никого не убить, никогда не украсть, человек может почитать отца и мать, переходить улицу на зеленый сигнал светофора, уступать место в трамвае и т. д. Но если при этом он не будет сердцем связан с Богом, его праведная жизнь будет бесплодной.

На самом деле глубоко ошибочно то, что обычно говорят:

"Твори добро, и ты будешь с Богом". Можно творить добро, но или за счет других, или в ущерб себе, разрушая себя, не отдавая себя за других, ибо когда человек отдает, он получает во сто крат. Сколько раз христиан обвиняли в том, что они ужасно меркантильны, и говорили: "В Евангелии написано, что кто отдаст одно - получит в тысячу крат". Но что отдаст-то? ... "И саму жизнь свою". Есть в Евангелии на первый взгляд шокирующие фразы и об отце, и матери, и о жене, и о детях. "Кто любит отца или мать более Меня, - говорит Спаситель, - недостоин Меня". Так вот, по-настоящему, нужно отдать не то, что отдать легко.

Или, например, человек по природе склонен к тихой жизни, у него характер тихий, мягкий. Ему говорят: "Какой ты хороший, вот всем бы быть такими!" И люди с сильным характером начинают себя ломать и стилизоваться. Или наоборот, тихий человек начинает разыгрывать из себя Наполеона и тоже ломаться. Но здесь никакого насилия не требуется, потому что всякая ломка себя не ради Бога, а с какой-то иной целью, ломка именно себя, а не своих искажений, не своего греха, заводит в конце концов в тупик и человек может разозлиться на свое добро или начнет бунтовать. А вы знаете, что такое русский бунт. И в результате получается, что жизнь в конце концов лишается смысла.

Выход из этого тупика - не в идее. Сейчас все снова ударились в идеализм и думают, что приближаются к духовности. Но идеализм ничем не лучше материализма. В древней Греции материалисты были, на мой взгляд, даже значительнее, интереснее некоторых идеалистов. Вера Божья, вера святая - это не идеализм в отличие от материализма, это - ощущение живого Бога, прежде всего в радости. Потому что это - истинное ощущение. Сейчас вы, наверное,

ждете рецепта, как же добиться этой радости, какой ключ к ней. Нет рецептов, в том-то вся и штука. Вера - это дар. Мы, живущие в Церкви, - кто год, кто три дня, кто двадцать лет, мы можем только одно засвидетельствовать - этот дар дается сразу, мгновенно, в ответ на какое-то искреннее движение души. Но только надо искать, надо искать совершенно искренне. Я скажу, наверно, то же, что уже говорил о. Георгий. Очень часто под верой понимают нечто совсем другое, - многие люди хотели бы в этой области как бы продвинуться. Но ищут очень часто либо идеалов, идеализма, либо какой-то жесткой схемы подчинения. Либо ищут чего-то, что в принципе не похоже на эту жизнь, т. е. по принципу от обратного, лишь бы не так, как сейчас. И веры в конце концов не находят. А вера - это открытость тому, о чем уже сказано. Изобретать велосипед здесь, может быть, очень интересно, но совершенно лишне. В вере нет банальностей, в Евангелии и в Писании нет банальностей, С. С. Аверинцев однажды сказал, что там есть все, кроме банальностей.

Но искать надо Бога, Который дает радость, Который свидетельствует о Себе, прежде всего, как о живом Боге. Когда человек начинает искать причины своего греха, или вообще определение греха, когда он начинает с греха, начинает со зла, это трудно, это словно связывает руки. Откровение о Боге - это как правило откровение полноты. Может быть кто-то пришел к Нему и по-другому. Говорят, люди приходят к Богу от большого горя.

Здесь есть некоторая подмена. От большого горя человек может просто распасться на составные части. Горе может никуда не привести, оно может разбить человека и развалить его. Но если в этом горе человек не озлобится, если он хотя бы краешком своей души, может быть даже несознанно, обратится к Богу, - Бог тут же выйдет ему навстречу.

Этим я и хотел бы закончить. Все мы, особенно в молодости, ищем веры, ищем идеалов, но, главное, нам нужно не столько напрягаться в поисках этих идеалов, сколько не пропустить того, что Бог хочет нам сказать. Потому что, как говорит Священное писание, Господь нас предваряет. "Стою у двери и стучу. Кто откроет Мне, Я к тому войду". Дальше написаны удивительные слова: "И буду с ним за трапезой". "Я стучу", т. е. этот стук в дверь уже как бы раздаётся. И здесь мне хочется рассказать об одном юноше, который, в свою очередь, рассказал мне о своих исканиях. Он тоже искал, искал в жизни выхода. И однажды он сидел дома и спокойно читал Писание. Он читал Апокалипсис, - в традиции юности начинать с конца. И он прочитал там эту фразу: "Стою у двери и стучу, кто откроет - войду к тому". Он сказал: "Я закрыл книгу, встал и открыл дверь". Это удивительная вещь. С этого момента он стал верующим. Дальше начались подтверждения того, что он поступил правильно.

Я хочу, чтобы все мы, пришедшие сюда со своими трудностями, которые завели нас в тупик, вот так просто встали и открыли дверь пред Богом.

Спасибо.

Давид-Амир Садур

Я недавно пришел в Церковь, крестился только в августе. Мне хотелось бы кое-что добавить по поводу евангельской фразы о том, что ради Христа нужно оставить и отца, и мать, и близких. Она у многих вызвала недоумение. Мне кажется, ее надо по-другому понимать. Если какие-то заботы домашние отделяют человека от Бога, то в тот момент, когда Бог стучится к тебе в дверь, их надо оставить и уделить свое время Богу. То, что мы здесь имеем, действительно уникально, я говорю о возможности полнее ощутить себя. И действительно, многое в своей жизни оставляешь, видя такую полноту жизни в Боге. Я, например, сейчас в храме стал работать, оставив другие работы. Спасибо.

Михаил Егориков

Дорогие братья и сестры! Вы помните, в Писании говорится, что "во Христе нет ни эллина, ни иудея". И подтверждение тому - пример Давида-Амира. Он просто по скромности не сказал, что он сам татарин, но крестился в Православной церкви, оставив отца и мать. Не совсем их оставил, конечно, он о них заботится. Но он выбрал Бога, т. е. оставил свои национальные, отцовские "предания". Бог позвал, и он все оставил и пошел. Сам я тоже недавно, вместе с Давидом-Амиром на Успение Пресвятой Богородицы закончил оглашение: он крестился, я воцерковился. В один день у нас было духовное рождение. Вкусив Животворящих Христовых Тайн, мы родились свыше. Александр Михайлович говорил о незлобivosti. Сейчас многие люди, не имея прочной основы, не имея веры, озлобляются, и эта злоба, в глубине сидящая, человека разрушает.

У меня была очень сложная судьба, я долго шел к Богу. Прежде чем прийти в Церковь, я немалое время пробыл в заключении. Атмосфера, как вы сами понимаете, там специфическая - на ограниченной площади очень много злых дядек. Это как бы сжатая модель нашего общества. В зале, я знаю, находятся люди, которые испытали это на себе, и они, в общем-то, могут адекватно понять меня.

Когда я отбывал первый срок, я всех обвинял, не каялся, я признавал, что я плохой, но вот другой - будь-то милиционер, или еще кто-то - совсем плохой, он больше виноват, чем я. А во второй мой срок, наступил какой-то переломный момент, когда я нашел силы заглянуть в себя, т. е. заглянуть поглубже, опуститься на глубину. Как говорит Христос: "Закиньте сети на глубину". И нам надо закинуть сети на глубину своей души и как бы себя самого вытащить из этой глубины. И посмотрев туда, я ужаснулся и начал с себя. Я не стал обвинять никого в этой жизни и осознал, что прежде всего я - грешник и негодяй. Это происходило на протяжении какого-то времени и, наверное, не имело прямого отношения к Богу. Я постоянно ходил в одиночестве, размышлял, ворошил свою душу. Наконец я отворил двери своей души, и Господь вошел.

Господь действует через определенных людей и посылает их нам в нужный момент. Такой человек был и мне послан. Это я осознал, когда он уже ушел от меня. Но он ушел в тот момент, когда я уже более или менее твердо встал на "путь исправления", точнее - на Божий путь. Но после освобождения меня долго носило, я ходил по разным кружкам, секциям. В переходный период был и Рерих, и другие "полезные вещи". Это все, может быть, где-то и нужно, но если человек приходит в храм или на такую встречу, как у нас сегодня, мне кажется, что это неспроста, в этом надо видеть волю Божию и руку Господню. Значит, у каждого человека нашлся ангел, который привел его сюда, который привел его в Церковь. Об этом каждый сам может подумать и понять, что именно так оно и было. А если уж привел Сам Господь, то не стоит уходить.

Татьяна Авилова

Я хотела бы сказать о достаточно узком вопросе, с которым сейчас многие сталкиваются. Я расскажу о том, какую свободу дает людям Господь.

Сейчас на каждом перекрестке мы видим книжки по оккультизму, астрологические прогнозы. Это настолько вошло в наш быт, и на телевидение, и в прессу, что даже те, кто и не стали бы в другое время это слушать, принимают это как данность и как бы подчиняются тому, что им навязывают. И при этом многие не отдают себе отчета, какой власти они подчиняются.

Во времена моей юности такая литература была почти недоступна, равно как и Священное писание, поэтому всякая информация о том, что выходило за рамки обыденной жизни, принималась как откровение. Я когда-то прочитала в журнале "Наука и жизнь" статью об американских исследователях. Они не поленились и собрали что-то около 20 или 30 пар однойяцевых близнецов, которые были разлучены после рождения, практически не знали о своих братьях и сестрах и росли порознь. Они отыскивали, собрали и провели с ними какие-то там социологические и психологические исследования. И оказалось, что они во всем друг на друга похожи! И все-то у них было параллельно, и все-то у них было одинаково. С этим как-то еще можно было смириться, но меня поразила одна пара сестер, каждая из которых имела на руке по семь колец.

И эти семь колец меня поразили. Если жизнь наша настолько predetermined генетикой или еще чем-то, вплоть до того, сколько колец одеть на руку, а зачем тогда человек? И вообще, каково его место в мире, и что такое свобода? Молодого человека трудно, конечно, сделать пессимистом, но тем не менее эти вопросы оставались все время внутри, и все время был поиск: что такое человек? И все это время семь колец были у меня в памяти. И ответ был получен через астрологию. К этому времени уже произошло мое обращение к Богу истинному, когда я шла к Нему, оглашалась. Мы это делали вместе с моей родной сестрой. Ее близкие друзья были астрологи, причем очень крупные. Они вдруг предложили ей составить карты на нее, и она решила испытать судьбу и это сделать. Знаете, что оказалось? До того момента, когда был этот сознательный поворот к истинному Богу, тому Богу, Которого исповедует православная вера, Богу Авраама, Исаака и Иакова, Творца всего сущего, - до этого момента все факты, акты ее биографии укладывались в предсказания с точностью до месяцев, дней. Но с того момента, когда произошел этот сознательный поворот, вдруг оказалось, что ничего не совпадает. Причем должны были происходить умопомрачительные вещи, чуть ли не смертельные болезни, операции, еще что-то. Но в эти периоды жизни у нее даже насморка не было!

Это было удивительно. У меня не было желания так же испытывать судьбу, потому что я и без того чувствовала, что внутри происходят совершенно удивительные вещи, что Господь дает такую свободу, которая приводит человека к истинному творчеству и самое главное творчество - начинается творение Человека внутри самого человека. И начинается созидание его новой судьбы, которая не подчинена ни звездам, которая не подчинена никому, которая на самом деле приносит радость, и мир, и покой.

И только в таком состоянии можно решать какие-то важные проблемы, только с такими чувствами можно общаться с людьми, только с такими чувствами ты понимаешь, где правда, а где ложь. Потому что это всегда болезненный вопрос - понять, где же правда. Потому что всегда за одной мыслью может придти другая мысль, которая будет ее опровергать и подвергать сомнению.

И это творчество совершенно удивительно, потому что я с замиранием сердца вдруг начала понимать: то, что мне казалось в себе неисправимым, можно исправить. Вы знаете, что самые трудные наши взаимоотношения - это отношения с нашими близкими: родителями, детьми, мужьями, женами. Это те накатанные ситуации, те глубокие борозды, которые, казалось бы, исправить невозможно и которые всем сердцем хочется исправить, а мы каждый раз срываемся, отчаиваясь, что нет никаких сил. И вдруг я замечаю, что эти пропасти перестают существовать. То, что вчера было совершенно невозможно, сегодня стало возможно. С тем человеком, с которым я не могла общаться иначе, как с врагом, и ничего с этим не могла поделать, я вдруг обращаюсь так, как обращаются с симпатичным посторонним человеком. Это было чудесное состояние!

Еще я хотела бы пару слов сказать о том, что когда мы приходим в Церковь с нашими детьми,

тогда становится ясно, что для них это тот живой источник, тот чистый воздух, без которого жить они просто не могут. Мы, - в силу своего воспитания, этических норм, еще как-то можем противостоять злу этого мира. Но этот мир захлестывает детей, вы сами знаете как, потому что они не могут никак этому противостоять. И единственное, что их удерживает и что в них растет нового человека, - это Церковь.

Я об этом свидетельствую, потому что так много тому примеров. Спасибо за внимание.

Окончание Первой встречи в N 24

Митрополит Сурожский Антоний (Блум): Духовность и духовничество

Богословие и философия

Доклад на второй Международной церковной конференции к 1000-летию Крещения Руси, Москва, 18 мая 1987 г.

ТЕМА моего доклада—духовность и духовничество, или, если предпочитаете, духовное окормление, или душепопечение. Я хотел бы сначала определить слово «духовность», потому что обычно, когда мы говорим о духовности, мы говорим об определенных выражениях нашей духовной жизни, таких как молитва, как подвижничество; и это ясно из таких книг, как, например, книги Феофана Затворника. Мне кажется, однако, надо помнить, что духовность заключается в том, что в нас совершает действие Святого Духа, и духовность не есть то, что мы ею обычно обозначаем, а эти есть проявления таинственного действия Духа Святого. И это сразу нас ставит по отношению к духовничеству в очень четкое положение, потому что тогда речь идет не о том, чтобы человека воспитывать по каким-то принципам и научить его развиваться в молитве или аскетически по каким-то трафаретам. Духовничество тогда будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что над человеком и в нем совершает Святой Дух, возгревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой стороны,—гораздо более значительной, чем мы часто думаем. Раньше чем пойти дальше, я хочу сказать два слова о том, что духовничество—не однозначное понятие. Есть, как мне кажется, три типа духовников. На самом основном уровне это священник, которому дана благодать священства, который в себе носит не только право, но и благодатную силу совершать таинства—таинство Евхаристии, таинство Крещения, таинство Миропомазания, но также и таинство Исповеди, то есть примирения человека с Богом. Большая опасность, которой подвергается молодой неопытный священник, полный энтузиазма и надежды, состоит в том, что подчас молодые люди, выходящие из богословских школ, воображают, будто рукоположение наделило их и умом, и опытностью, и «различением духов», и делаются тем, что в аскетической литературе называли «младостарцами»; то есть, не обладая еще духовной зрелостью, не обладая еще даже тем знанием, которое дает просто личный опыт, они думают, будто их научили всему, что может им помочь взять кающегося грешника за руку и повести от земли на небо. И, к сожалению, это случается слишком часто, и во всех странах: молодой священник, в силу своего священства, но не потому, что он духовно опытен, и не потому, что Бог его к этому привел, начинает руководить своими духовными детьми «указами»: этого ты не делай; это ты делай; такую-то литературу не читай; в церковь ходи; отбивай поклоны... И в результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв, которые делают все, что,

может быть, и делали подвижники,—но те-то делали это из духовного опыта, а не потому что они дрессированные животные. А для духовника—катастрофа, потому что он вторгается в такую область, в которую у него нет ни права, ни опыта вторгаться. Я настаиваю на этом, потому что это насущный вопрос для священства. Старцем можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар; и научиться быть старцем нельзя, так же как нельзя выбирать своим путем гениальность. Мы все можем мечтать о том, чтобы быть гениальными, но мы отлично понимаем, что Бетховен или Моцарт, Леонардо да Винчи или Рублев обладали такой гениальностью, которой нельзя научиться ни в какой школе, и даже нельзя научиться длительным опытом, но которая является божественным даром благодати. Я настаиваю на этом, может быть, слишком долго, потому что мне кажется, что это насущная тема—в России, возможно, больше, чем на Западе, потому что роль священника в России гораздо больше центральна. И часто молодые священники—молодые или по возрасту, или по своей духовной зрелости или незрелости—"управляют" своими духовными детьми вместо того, чтобы их возвращать. Возвращать—это значит относиться к ним и поступать с ними так, как садовник относится к цветам или к растениям: надо знать природу почвы, надо знать природу растения, надо знать условия, в которые они поставлены, климатические или другие, и только тогда можно помочь—и это все, что можно сделать—помочь этому растению развиваться так, как ему свойственно по его собственной природе. Ломать человека для того, чтобы его сделать подобным себе—нельзя. Один духовный писатель Запада сказал: «Духовное чадо можно привести только к нему самому, и дорога внутрь его жизни бывает иногда очень долгая...» В житиях святых можно увидеть, как большие старцы это умели делать, как они умели быть собой, но прозреть в другом человеке его исключительное, неповторимое свойство, и дать этому человеку, и другому, и третьему возможность быть тоже самими собой, а не репликами этого старца или, еще хуже, его трафаретным повторением. Пример этому в истории Русской Церкви—встреча Антония и Феодосия Печерских. Феодосий был воспитан Антонием, и, однако, их жизнь ничего общего не имеет в том отношении, что Антоний был отшельником, а Феодосий—основоположником общего жития. Казалось бы—как мог Антоний приготовить его делать то, чего он сам не стал бы делать, и воспитать его таким человеком, каким он сам не хотел быть и к чему Бог его самого не призывал? Мне кажется, тут надо очень зряче различать между нашим желанием сделать человека подобным себе и желанием сделать его подобным Христу. Старчество, как я сказал, это благодатный дар, это духовная гениальность, и поэтому никто из нас не может думать о том, чтобы вести себя подобно старцам. Но есть еще промежуточная область—это отцовство. И опять-таки, слишком часто молодой—и не такой молодой—священник, только потому, что его называют «отец такой-то», воображает, что он не просто исповедальный священник, а действительно «отец», в том смысле, в котором Павел говорил, что пестунов у вас много, но я родил вас во Христе; и то же самое в свое время говорил святой Серафим Саровский. Отцовство заключается в том, что какой-то человек—и это может быть даже не священник—родил к духовной жизни другого человека, который, взглядевшись в него, увидел, как старое присловье говорит, в его глазах и на его лице сияние вечной жизни и потому мог к нему подойти и просить быть ему наставником и руководителем. Отца отличает также то, что он как бы одной крови, и в духовной жизни—одного духа со своим учеником, и может его вести, потому что между ними есть истинное, не только духовное, но и душевное созвучие. Вы, наверное, помните, как в свое время египетская пустыня была перенаселена подвижниками и наставниками, и, однако, люди не выбирали себе наставника по признаку его выдающейся славы, не шли к тому человеку, о котором говорилось больше всего хорошего, а находили такого наставника, которого они понимали и который их понимал. И это очень важно, потому что послушание не в том, чтобы делать слепо то, что говорит некто, имеющий над вами или материально-физическую, или душевно-духовную власть; послушание заключается в том, что послушник, выбрав себе наставника, которому он верит безусловно, в котором он видит то, что он сам ищет, вслушивается не только в каждое его слово, но вслушивается и в тон голоса, и старается через все проявления личности наставника и все

проявления его духовного опыта перерасти самого себя, приобщиться к этому его опыту и стать человеком, который уже вырос за предел той меры, которой он мог бы достичь своими собственными усилиями. Послушание—это раньше всего стремление слушать, и слышать не только умом, не только ухом, но всем существом, открытым сердцем, благоговейным созерцанием духовной тайны другого человека. А со стороны духовного отца, который вас родил или который вас воспринял уже рожденными, но может быть отцом для вас, должно быть глубокое благоговение к тому, что в вас совершает Святой Дух. Духовный отец—так же, собственно, как любой добросовестный приходской священник—должен быть в состоянии (и это порой дается ценой усилия, вдумчивостью, благоговейным отношением к тому, кто к нему приходит) видеть в человеке ту красоту образа Божия, которая никогда не отнимается; если даже человек поврежден грехом, духовник должен видеть в нем икону, которая пострадала от условий жизни, или от человеческой небрежности, или от кощунства; видеть в нем икону и благоговеть перед тем, что осталось от этой иконы, и ради этой божественной красоты, которая в нем есть, работать над тем, чтобы устранить все, что уродует этот образ Божий. Отец Евграф Ковалевский, будучи еще мирянином, как-то мне сказал: «Когда Бог смотрит на человека, Он не видит в нем ни добродетелей, которых может и не быть, ни успехов, которых он не имеет, но Он видит незыблемую, сияющую красоту Собственного Образа...» И вот, если духовник не способен видеть в человеке эту извечную красоту, видеть в нем уже начинающееся свершение его призвания стать по образу Христа богочеловеком, то он не может его вести, потому что человека не строят, не делают, а ему помогают вырасти в меру собственного его призвания. И тут слово «послушание», может быть, следует немножко уяснить. Обыкновенно мы говорим о послушании как о подчиненности, подвластности, а подчас и порабощении духовнику или тому, кого мы назвали—совсем напрасно и во вред не только себе, но и священнику—духовным отцом или своим старцем. Послушание же заключается именно в том, что я сказал выше: в слушании всеми силами души. Но это обязывает в равной мере и духовника, и послушника; потому что духовник должен прислушиваться всем своим опытом, всем своим существом и всей своей молитвой, и скажу больше, всем действием в нем благодати Всесвятого Духа, к тому, что совершает Дух Святой в человеке, который ему доверился. Он должен уметь проследить пути Духа Святого в нем, он должен благоговеть перед тем, что Бог совершает, а не стараться воспитать либо по своему образцу, либо по тому, как ему кажется, человек должен бы развиваться, как «жертва» его духовного водительства. И с обеих сторон это требует смирения. Ожидаем мы легко смирения со стороны послушника или духовного чада; но сколько смирения нужно священнику, духовнику для того, чтобы никогда не вторгаться в святую область, чтобы относиться к душе человека так, как Моисею приказал Бог отнестись к той почве, которая окружала купину неопалимую. И каждый человек—потенциально или реально—уже является этой купиной; и все, что его окружает, это почва святая, на которую духовник может ступить, только иззув свои сапоги, никогда не вступить иначе, чем как мытарь, стоящий у притолоки храма, глядящий в храм и знающий, что это область Бога Живого, место святое, и он не имеет права войти туда иначе, как если Сам Бог велит или Сам Бог подскажет, какое действие совершить или какое слово сказать. Одна из задач духовника в том, чтобы воспитать человека в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих, и не держать его в состоянии инфантильности всю жизнь: чтобы он не прибегал всегда по пустякам, пусто, напрасно к своему духовному отцу, а вырос в такую меру, когда он сам научится слышать то, что Дух Святой глаголет неизреченными глаголами в его сердце. И если подумать о том, что значит смирение, можно обратиться к двум коротким определениям. Первое—"смирение", по-русски это состояние примиренности, когда человек примирился с волей Божией, то есть отдался ей неограниченно, полностью, радостно, и говорит: «Делай со мной, Господи, что хочешь!»—но в результате примирился и со всеми обстоятельствами собственной жизни: все—дар Божий, и доброе, и страшное. Бог нас призвал быть Его посланниками на земле, и Он нас посылает туда, где мрак, чтобы быть светом; где безнадежье—чтобы быть надеждой; где радость умерла—чтобы быть радостью. И наше место

не просто там, где покойно, в храме или при совершении литургии, когда мы защищены взаимным присутствием, а там, где мы стоим в одиночку, как присутствие Христово во мраке обезображенного мира. Если подумать затем о латинских корнях смирения, то *humilitas* происходит от слова *humus*, обозначающего плодородную землю. Подумайте—об этом тоже пишет Феофан Затворник,—что представляет собой земля: она лежит безмолвная, открытая, незащищенная, уязвимая пред лицом неба; она принимает от неба и зной, и лучи солнечные, и дождь, и росу, но она принимает также то, что мы называем удобрением—то есть навоз, отбросы, все, что мы в нее кидаем,—и что случается?—она приносит плод, и чем больше она выносит того, что мы душевно называем унижением, оскорблением, тем больше она приносит плода. И вот смириться—это раскрыться пред Богом так совершенно, чтобы никак против Него, против воздействия Святого Духа или против положительного образа Христа, Его учения не защищаться и быть уязвимыми для благодати, как в греховности нашей мы уязвимы бываем от рук человеческих, от острого слова, от жестокого поступка, от насмешки—и отдать себя так, чтобы по нашему собственному желанию Бог имел право совершить над нами, что бы Он ни захотел: все принимать, открываться, и тогда дать просто Святому Духу нас покорить. Мне кажется, что если и духовник будет учиться смирению в этом смысле: видеть в человеке извечную красоту, и знать свое место (а это место такое дивное, такое святое: место друга жениха, которому невеста—не его невеста, но который поставлен оберечь встречу жениха и невесты), тогда духовник может действительно быть спутником своего духовного чада, идти шаг за шагом с ним, оберегая его, поддерживая его и никогда не вторгаясь в область Святого Духа; и тогда духовничество делается частью той духовности и того возрастания в святость, к которой каждый из нас призван и которую каждый духовник должен помочь своим духовным детям совершить. Но где искать духовников? Беда в том, что старцев, даже духовников, искать нельзя, потому что мы можем обойти весь мир и не найти; но опыт подсказывает, что иногда Бог нам посылает нужного человека в нужную минуту хоть на короткий срок. Он тогда вдруг делается для нас тем, чем были старцы. Знаете, я часто думаю, что мой как бы небесный покровитель—валаамова ослица, которая заговорила и сказала пророку то, чего он сам видеть не мог. Так часто ко мне приходит человек, и я не знаю, что ему ответить, и вдруг нечаянно скажу что-нибудь—и оказывается правильно. И я думаю, что в такой момент Бог тебе дает слово; но рассчитывать на то, что твой опыт, твоя начитанность тебе даст возможность это делать всегда, невозможно, и поэтому приходится очень часто благоговейно помолчать, а потом сказать человеку: «Знаешь, я сейчас не могу тебе ответить...» И у нас есть замечательный пример из жизни—Амвросия Оптинского. К нему приходили люди, прося совета, он их заставлял два-три дня ждать; и в одном случае купец пришел, говорит: «Мне надо возвращаться, у меня лавка закрыта, а ты мне ответа не даешь...» И преподобный Амвросий ему ответил: «Не могу тебе ничего сказать! Я спрашивал ответа у Божьей Матери, и Она молчит...» И я думаю, что и мы могли бы сказать: «Я мог бы тебе от ума, от книг, от рассказов что-то сказать, но это было бы нереально. Я не могу тебе ничего сказать. Молись, и я буду молиться, если что-нибудь мне Бог на душу положит, я тебе напишу, я тебе скажу». Если так сказать, то человек относился бы к слову, которое ты скажешь, совсем иначе, чем когда на все случаи жизни у тебя готовы прописные истины, потому что все наизусть знают твои прописные истины; единственный вопрос в том, что человек не знает той, которая к нему относится вот сейчас. Еще хочу заметить: нельзя людям предлагать такие формы благочестия, которые они не могут выполнить внутренне, а только внешне обезьянничают. Я это знаю по себе. Я очень долго обезьянничал. Мне очень хотелось быть похожим на Арсения Великого. И из меня получалась очень удачная обезьяна, потому что я человек дисциплинированный. И вдруг я обнаружил, что, во-первых, я не Арсений Великий, а, во-вторых, я не я. Так кто же я такой?—никого нету... Тут мне пришлось резко снизиться, и я понял, что летать я могу только в воображении, а ходить у меня еще плохо получается, поэтому решил, что нужно научиться хоть немного ходить. Спасибо вам за добрые слова и терпение. От редакции. Ниже в сокращении мы публикуем развернувшуюся после выступления митрополита Антония

дискуссию, в которой приняли участие: митрополит Киевский Филарет (Денисенко), архиепископ Вологодский Михаил (Мудьюгин), настоятель Болгарского подворья в Москве архимандрит Гавриил (Галев), протопресвитер Виталий Боровой, настоятель Антиохийского подворья в Москве архимандрит Нифон (Сайкали), протоиерей Владимир Сорокин, митрополит Смоленский Кирилл (Гундяев) и др. Архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил: Я очень благодарен, как, думаю, и все остальные, владыке Антонию за его содержательный доклад. Особенно ценно то, что он подчеркнул величие, святость и важность духовничества, духовного руководства в наше время, когда часто, во всяком случае в наших условиях—условиях Русской Православной Церкви,—духовничество сводится к очень поверхностному принятию святой исповеди, и несмотря на благодатную действенность этого таинства, настоящего руководства, в силу чисто объективных причин (многолюдства, иногда усталости самого священника и др.) не получается. Меня немножко удивило то, что владыка Антоний сравнивает способность такого духовного руководства, которая должна быть свойственна, в сущности говоря, каждому священнику с гениальностью, присущей отдельным высокоодаренным людям. Ведь гениальность—не массовое явление, это свойство или прирожденное, или, во всяком случае, приобретенное в жизни как нечто, присущее данной личности и выделяющее ее из всех остальных. Между тем как быть духовником—это, в сущности, массовое явление, которое вытекает из самого факта рукоположения и из самой профессиональной деятельности любого священника, подчеркиваю—любого. В силу своего положения, в силу того, что он рукоположен, что он поставлен на приход, священник обязан принимать людей под свое руководство. И на что он может полагаться? Он не может полагаться на свою особую одаренность, на свою какую-то особую святость, которой у него или нет, или, если она у него есть, то он не имеет никакого права и никакой возможности духовной ее за собой признавать или ее себе приписывать. Значит, он может уповать только на благодать, даруемую при рукоположении. Хотя это входит в противоречие с одной из фраз, которую сказал владыка Антоний, но я считаю это неоспоримым. Именно в духе полного смирения, в духе глубочайшего преклонения перед благодатью Духа Святого, даруемой рукоположением, только в такой духовной настроенности человек может, во-первых, молиться об успехе своей духовнической деятельности, и только в таком духе он может ее осуществлять... И я уверен, что любой священник, который выпущен нашей духовной школой или просто по своему собственному желанию стал священником и получил правильное рукоположение, он несомненно получает, если он этого хочет, если он просит об этом, молится об этом, необходимую оснащенность благодатью Святого Духа, совершенно независимо от личной греховности, от личных качеств, потому что Бог действует не ради него, и не потому, что он такой хороший,—он может быть и очень плохой,—а действует Дух Святой потому, что это благодать рукоположения, потому что он священник, потому что Дух Святой почивает на нем. Митрополит Антоний: Я хочу пояснить. Когда я говорил о гениальности, я не говорил ни о священстве, ни даже о категории духовного отцовства, а специально и исключительно о старчестве. И я употребил слово «гениальность», потому что в области разговорного языка оно выражает то, что можно назвать иначе «благодатность». В области мирской это гениальность музыкальная, артистическая, математическая—это нечто, чего мы не можем достигнуть никакими собственными усилиями. То есть я говорил не о священстве вообще, и, конечно, не думал порочить приходского священника, самого молодого, простого, но искреннего, который делает свое священническое дело, исповедуя людей, делясь с ними тем, чему он научился от отцов Церкви, от богословов, от собственного духовника, от окружающей его христианской молитвенной среды. Это драгоценная вещь. Но есть момент, который меня немножко смущает: это то, что некоторые священники—и чем больше они духовно неграмотны и незрелы (это относится также и к мирянам, но сейчас я бью по священникам, потому что они «профессионалы»), тем легче они думают, что как только они облечены в рясу, надели епитрахиль, они будут говорить от Бога. Я помню очень уважаемого человека, которого сейчас многие считают великим старцем на земле, который мне говорил: «Я больше не молюсь, когда

люди ставят мне вопрос, потому что, так как после молитвы я говорю Святым Духом, то если они не исполняют точно то, что я скажу, они грешат против Духа Святого и им нет прощения...» Вот это я имел в виду. Но столько людей стараются поставить священника, к которому они ходят постоянно, в положение, какого он не может занимать, делают из него «старца», хотя он просто честный, добрый приходской священник. Если вы упорно ему внушаете, что он гений, то... мало кто не верит. Потому что, во-первых, трезвых людей меньше, чем нетрезвых, а во-вторых, случись, что его слово исполнилось—вот вам и доказательство! Надо говорить верующим, чтобы они не ставили священников в такое положение. Надо внушать это и тем священникам, с которыми есть личные и сколько-нибудь зрелые отношения. В этом смысле необходимо воспитание священников и прихожан. А до меня доходит, что многие молодые священники, по-видимому, думают, что с рукоположением они получают дар видеть души, понимать людей, и берут на себя смелость их вести. Это, я считаю, разрушительно. И я в ужасе, что человек может думать, что потому что он трижды сказал: «Господи, просвети мой ум, еже помрачи лукавое похотение», то следующие его слова будут просто пророчеством от Бога. И я думаю, что тут просто элементарный разум играет роль: можно говорить о том, что ты знаешь достоверно. Скажем, беря пример громадного масштаба: святой апостол Павел мог говорить с совершенной достоверностью и уверенностью о том, что воскрес Христос, потому что он встретил живого, воскресшего Христа на пути в Дамаск; о некоторых же других вещах он говорил не из такого первичного опыта. Другие люди также обладают определенным опытом, меньшего масштаба, может быть, меньшей силы, но о котором они могут говорить: «Да, я знаю, достоверно», как один безбожник, обратившийся к Богу, написал во Франции книгу под названием «Бог существует: я Его встретил». Священник—и мирянин—могут говорить из опыта церковного, которому они причастны, даже если не обладают им полностью; потому что, имея общие с другими некоторые опытные предпосылки, они могут прислушиваться к опыту других, опыту, который еще не стал полностью их опытом; но когда это нужно другому, они могут сказать: «Это—правда, потому что это говорит Церковь, и я знаю из недр церковных больше, чем я знаю из собственного опыта...» И, наконец, есть вещи, о которых мы можем говорить только потому, что их нам открыл Господь. В Евангелии Спаситель говорит, что Бога никто никогда не видел, но Сын Божий, сущий в недре Отчем, открыл Его. Никто не может об Отце сказать то, что может сказать Сын Единородный. Он является печатью равнообразною, но это еще не значит, что мы, видя печать, можем познать Бога так, как Его знает Христос (см. Ин 1: 18).

Митрополит Смоленский и Вяземский Кирилл:

Я хотел бы присоединиться ко всем тем, кто самым высоким образом оценил выступление владыки Антония. Уже на протяжении почти двадцати лет я имел возможность время от времени слышать эти выступления и должен сказать, что владыка каждый раз вносит очень важную и свежую струю в наше общецерковное осмысление многих серьезных проблем—что произошло и сегодня. Вопрос о духовности задается и по радио, и по телевидению, и в нашей прессе, и приходится признать, что на всю эту настойчивость в постановке вопроса о духовности мы не находим ясного и удовлетворительного ответа. Проблема заключается в следующем—если мы сейчас обращаемся к современному человеку и описываем ему духовные ценности исключительно в религиозных категориях или, скажем, в богословских, то и эти ценности, и наши описания вместе с ними остаются малопонятными. Понятно даже чисто филологически, что духовность есть производное духа. Но если мы так скажем человеку, не разделяющему религиозных убеждений, мы тем самым сразу закроем всякий диалог. Он просто не поймет, о чем мы говорим, потому что он априори отрицает существование духа, как абсолютной и независимой субстанции. Митрополит Антоний: Да теперь мы живем в мире инфильтрации идей, и очень важно для нас найти способ наши христианские воззрения облечь в доступные слова и перебросить мост к тем людям, которые не понимают нашего жаргона,

потому что современные молодые даже верующие люди, когда читают богослужebные книги или духовных писателей XVIII – XIX века, должны окунуться в совершенно чуждый языковой мир. Но вот, что я скажу. Есть целая сфера, где мы вступаем в область веры, т. е. уверенности в вещах невидимых, но которые не обязательно относятся к чисто религиозной сфере. Любовь, красота относятся к этому. Потому что, когда я говорю, что люблю этого человека, то я не могу просто описать причину и сделать список причин, ради которых я его люблю и ради которых его отрицательные свойства для меня ничего не значат. Любовь таинственна, она – ответ живой души на живую душу, на тайну человека. И это знает любой безбожник, у которого есть мать, отец, жена, невеста друг, ребенок. То же самое относится к красоте. Мы не можем объяснить, почему мы смотрим на закат солнца на картину великого мастера, и у нас захватывает дух. Мы пототом, когда начинаем размышлять об этом, можем надумать причины, чтобы объяснить другому человеку, но не первично. Я помню разговор, который был у меня несколько лет тому назад. Когда я поднимался по лестнице гостиницы «Украина», ко мне подошел молодой офицер и у нас состоялся следующий диалог. «Судя по вашей свитке, вы верующий?» – обратился он ко мне. Я ответил утвердительно. На что последовало: «А я нет». – «Тем хуже для вас». Он продолжал: «А вы покажите мне своего Бога на ладони, и я поверю!». И он протянул ко мне руку ладонью вверх. Я, заметив на пальце обручальное кольцо, сказал: »Вы женаты? И дети у вас есть?»—«Да». «И вы их любите?»—«Да»—"Это неправда".—"То есть, как неправда?"—удивился он,—я знаю, что их люблю, и могу это доказать: я на них работаю, покупаю жене цветы, детям подарки".—"Нет, это не объяснение. Может быть, вы боитесь своей жены или боитесь общественного давления. Вы покажите мне свою любовь на ладони, потом будем разговаривать"... И если мы говорим о Боге не в таких примитивных выражениях, какие я только что привел, но в этом направлении, если бы говорили о Нем не как о Творце и т. д., а как о Красоте, то всякий бы понял, о чем мы говорим. Истина, красота, любовь, добро—не в каком-то метафизическом смысле, а в том смысле, в котором любой человек может это понять—это почва, на которой мы можем встретиться.Протопресвитер Виталий Боровой: Я не буду благодарить владыку Антония, потому что это чувствуют все; скажу кратко. Если бы от меня зависело, то я не то что просил бы напечатать его доклад вместе со всеми другими докладами, я хотел бы, чтобы этот доклад не просто был напечатан в «Журнале Московской Патриархии», потому что далеко не всех он достигает, а я хотел бы, чтобы он был в таком кратком виде отпечатан и разослан всем священникам Русской Православной Церкви, которые не только совершают литургию, но и имеют дело с духовничеством, т. е. исповедуют. Я думаю, что мы имеем моральное право просить и даже требовать этого от нашего руководства и священноначалия, потому что владыка Антоний сказал то, что надо было сказать в это время и в этом месте. Здесь много священников, и я один из них. Мы все по опыту знаем, и надо искренне это признать, что очень часто мы ломаем, калечим и раним души людей, уже пришедших ко Христу, в Церковь, обращенных (или, вернее, обративших сами себя), или только вступающих в Церковь, интересующихся, приходящих ко Христу. В мире идет невидимая брань, не только мы воины и руководители, но также – тысячи, сотни тысяч воинов Христовых, которые вступают в Церковь. А мы во имя ложно понятого смирения и послушания, стилизованных по образу монашеской, подвижнической жизни XVII, XVIII, XIX веков, требуем от этих людей определенного стиля жизни, забывая, что они не монахи, а воины Христовы в миру, и забывая, что мы сами—простите меня—мы сами не соответствуем этому идеалу. Мы сами далеко не аскеты и не монахи, а на них одеваем одежды стилизованного монашеского православия и в основном требуем от них выполнения только этого! А когда говорим о духовничестве, то жонглируем словами высокими, святыми, аскетическими, забывая, что они не монахи, и что мы сами не выполняем того, что говорим.Простите, я еще раз повторю: этот доклад, по крайней мере для меня, и я думаю, для всех нас, должен быть и усвоением, и практическим напоминанием того, что мы должны делать, когда мы думаем, что мы «духовники» и «отцы». Спаси, Господи!Митрополит Антоний: Я благодарю отца Виталия за то, что он сказал, и «ничтоже супротив глаголю». Спасибо вам за добрые слова и терпение. Если

можно, я добавлю одно слово о свободе и о воле. Воля человеческая есть одна из трех волей, которые определяют судьбу мира. Отцы Церкви говорили о том, что воля Божия всегда благая, но она себе положила грань, дав свободу человеку, свободу сказать: «Аминь» или отказаться от Божией воли. Бесовская воля всегда разрушительная, всегда злая, всегда лживая и убивающая. И, наконец, между этими двумя волями—воля человеческая, человек может прислушаться к кроткому, любвеобильному призыву Божию или поверить лживым обещаниям сатаны. И в зависимости от того, что он выберет, та или другая воля в данную минуту преобладает в данном человеке—и вокруг него по необходимости. Но если человек сделал выбор между Богом и сатаной, между жизнью и смертью, между правдой и неправдой и т. д., то есть одно свойство, которое ему абсолютно необходимо для того, чтобы пройти весь свой путь успешно. Серафим Саровский говорит об этом ясно, он говорит, что отличает погибающего грешника от спасающегося грешника решимость. Колеблющаяся душа постоянно поднимается, взлетает и падает. Только при решимости, которая может превозмочь наши собственные желания, наши собственные стремления, нашу косность и т. д., можно идти вперед. Теперь, что касается свободы. Мы всегда думаем о свободе как о возможности выбора и, конечно, это так—эмпирически. Но есть и другое. В паримии перед Рождеством говорится о Христе пророчески, что раньше, чем Он сможет отличить доброе от злого, Он изберет доброе. Потому что этот выбор между добром и злом по нашему усмотрению уже является результатом нашей испорченности и нашего нездоровья. Но в свободе есть несколько удивительных моментов по красоте. Латинское слово *libertas*—из закона, и это определение ребенка свободнорожденного, от свободных родителей. Значит, когда мы говорим, что мы свободны, то мы говорим о том, что для Бога мы свободнорожденные, мы не рабы, мы уже свободны. Но эта свобода может удержаться только путем подвига, потому что если человек родился в свободной семье, но стал рабом пьянства или других пороков, то он уже раб, а не свободный. Поэтому требуется то, что мы называем дисциплиной, которую мы часто путаем с дрессированностью, с порабощением чужой воле, тогда как дисциплина—это состояние ученика, *discipulus*, это тот строй души, который человека вольного и анархического делает учеником и последователем наставника. «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 4: 16). Но если вы подумаете о других словах,—*freedom*, *Freiheit*—они все происходят от санскритского слова, которое как глагол значит «любить» или «быть любимым», или как существительное «мой любимый». Так что предельно интуиция, гениальная интуиция раннего санскритского человечества: свобода—это соотношение совершенной любви между двумя существами, между Богом и нами. Поэтому свобода не заключается в том, что я могу выбрать добро или зло, а в том, что я вырос в такую меру взаимной любви с Богом, что я заранее избираю то, что Божие.

Священник Георгий Кочетков: Наследие новомучеников и исповедников российских и проблема восстановления полноты церковной жизни

Богословие и философия

Дорогие отцы, братья и сестры, все участники конференции! Вы все, наверное, обратили внимание на интересную специфику нашей конференции, которая называется «Исторический путь Православия в России после 1917 г.», но которая приурочена к десятилетию смерти о. Александра Шмемана. Это сразу дает определенную широту и определенный контекст той работе, которую мы ведем. Действительно, за первые полтора дня были прочитаны интересные

доклады, касающиеся и русской церковной истории сразу после революции, т.е. того, что происходило в России прежде, и того, что происходило и происходит за ее границами и больше принадлежит нашему времени, нашей современности. Таким образом, мы вынуждены самим контекстом нашей встречи говорить об истоках и о последствиях, и о том, чем живем мы здесь, и о том, что происходит в русском рассеянии и в церквях, с ним прямо связанных. Поэтому я выбрал сегодня тему о наследии новомучеников и исповедников российских и проблеме усвоения их наследия, т.е. о проблеме восстановления полноты нашей церковной жизни. Для нас это повод для размышления. Очень жаль, что из-за недостатка времени я не смогу аргументировать каждое свое утверждение и только в отдельных местах буду приводить некоторые примеры. Конечно, если вслушиваться нашим церковным слухом, то мы, с одной стороны, счастливы, что являемся наследниками, или что можем быть наследниками этих удивительных подвижников, исповедников, мучеников, и в то же время тех, кто как бы продолжал подвиг свидетельства в иных условиях—за рубежом. Но с другой стороны, перед нами встают трагические вопросы. Почему же все-таки, от чего и для чего произошло все это с нами? Почему это было, ведь это беспрецедентно в истории? Церковь столь жестоко, столь тоталитарно гнали, и гнали уже не римские язычники, а многие из членов народа Божия, те, кто принадлежал к этому народу. Что же делать дальше? Каковы плоды всего этого? Неужели все это пройдет бесплодно? Неужели пройдет так, что об этом узнают лишь очень немногие специалисты, люди, читающие книги или почитающие кого-то из тех мучеников и исповедников, которые волею судеб стали близки тому или иному верующему сердцу? Мне представляется, что перед нами сейчас некоторая опасность не реализовать по меньшей мере половины этого наследия, в первую очередь, наследия новомучеников, потому что оно как-то не осмысливается, оно еще лишь иногда воспоминается. Правда, идет напряженная работа по лучшему воспоминанию, что очень важно, но глубоких осмыслений все еще нет. Действительно, мы являемся современниками, казалось бы, церковного возрождения: возвращаются храмы, можно и проповедовать, можно печатать книги. Все это связано с большими трудностями, но тем не менее—можно. Уж во всяком случае никого не расстреливают по поводу проповеди в храме и т. п. и т. д. Но мы не можем не видеть, что это восстановление, это возрождение, которое происходит в последнее время, последние годы в нашей церкви, ориентировано очень определенно, так, что это дает свои плоды. Ориентация может быть оценена прежде всего как ориентация на восстановление того стиля, тех форм жизни, которые принадлежали последним векам—XVIII, XIX, началу XX, т.е. как бы в этом восстановлении не присутствует или почти не присутствует опыт XX века, столь богатый, хотя и столь трагический, столь многой кровью добытый Церковью. Причем, подчеркиваю, я хочу его отнести не только к тому, что происходило здесь. Я говорю и о тех, кто за рубежом должен был исповедовать свою веру в трудных условиях и внешней, и внутренней жизни. Это проблема. Традиция новомучеников, а мы можем говорить о ней как традиции, сознательно скрывалась долгое время, слишком долгое время, и даже уничтожалась. Мы не можем не констатировать, что сейчас в церкви—в основном те люди, которые, по существу, не знают об этой традиции, которые читают книги—часто переиздания книг XIX—начала XX века, и для них действительно не существует опыта XX века. А посмотреть в глаза людям-носителям этого опыта трудно, их очень мало осталось. Слава Богу, есть и среди нас, здесь присутствующих, такие глаза*. Уничтожение традиции новомучеников происходило с помощью самых современных средств. Была сознательная клевета на церковь, уничтожались документы. Это—кроме того, что уничтожались прямые свидетели, люди. Ведь сохранилось очень немногое. Вот, есть прекрасные письма, которые цитируются, и другие документы, но это ведь тоже капля в море, которое пред Богом, в вечной памяти Божьей существует. Но как мне представляется, есть еще одна проблема, кроме той, что мы не можем в полноте узнать этот опыт,—существование некоторых препятствий в усвоении его. Существует опасность профанации наследия новомучеников, если мы возрождаем лишь формы церковной жизни, забывая о ее духе, или если, как сейчас это нередко происходит, мы возрождаем храмы, напрягая последние силы, но

при этом забываем о живых камнях тела церковного, о членах церкви, в том числе новоприходящих, начинающих почти с нуля свою церковную жизнь. В связи со всем этим и встает проблема восстановления полноты церковной жизни с учетом наследия новомучеников и исповедников российских, с максимально возможным усвоением его. Для нашего времени характерно все более серьезное отношение сознательных членов Православной церкви к утверждению, что актуальная полнота жизни и предания в нашей церкви утрачена, и поэтому одной из главнейших задач церкви является ее восстановление. То, что беспрецедентные гонения на церковь привели к притеснению и сужению реального русла церковной жизни в нашей церкви (может быть примерно так же, как это произошло с греческими церквами после падения Константинополя), это очевидно для всех. Но что такое полнокровная, полная церковная жизнь—мало кто себе представляет. Чаще ее представляют себе, как некий образец такой полноты, ту или иную эпоху из церковного прошлого. Наиболее очевидны подъем церковной жизни и нормальная преемственность ее в конце XIX—начале XX века, поэтому многие видят наилучший выход из нынешнего положения в простом возврате к этому прошлому. Однако знатоки церковной жизни того времени однозначно считают, что этого делать нельзя, что это большая ошибка, которая может иметь далеко идущие последствия. Они напоминают и о том, что именно православный народ России в большинстве своем после 1917 г. отвернулся от церкви, разрушал и гнал ее. Свидетельств о внутреннем тяжелом и раздвоенном состоянии Русской Православной Церкви и ее членов в те времена более чем достаточно, какой бы области церковной жизни мы ни коснулись, даже, казалось бы лучших—богослужения, иерархии, монашества, каноники, аскетики, этики, педагогики, катехетики, миссионерства и т. д. Раздвоенность жизни на духовную и светскую уже тогда привела к антицерковным настроениям среди интеллигенции и аристократии. Подавленность церкви государством также давала свои плоды. Культура, пытавшаяся совмещать в одном сердце Христа и Антихриста, уничтожала плодородную почву под ногами начинавших творить гениев. Н.В. Гоголь говорил: «Грусть от того, что не видишь добра в добре». Но и другие эпохи из церковного прошлого не могут быть для нас единственным примером. Нам вовсе не заповедано оборачиваться назад, взявшись за плуг, и в личностном, и в общеисторическом отношении. Нам надо идти за Христом вперед и вверх, хотя и с учетом всего опыта прошлого. Представляется, что для собирания этого опыта, в первую очередь, надо вспомнить обе части предания Русской Православной Церкви, разорванного после 1917 г., но живого по сей день. Одна из этих частей—опыт подвига веры и свидетельства тех, кто должен был уйти из России и жить в неродной среде, которая и обогащала их, и наступала на них. Другая—опыт новомучеников и исповедников российских внутри страны, тех, кто отдавал за веру свою жизнь пред лицом иного рода вражды и агрессии, перед теми, кто уже не мог и даже не хотел делиться уже никаким добром, ибо этого добра им не хватало для них самих. Итак, богословы, философы, историки, ученые, писатели, поэты, художники, композиторы и т. п.—с одной стороны, а с другой—мученики и исповедники из епископата, клира, монашествующих, церковного актива и других мирян, чаще из простого народа, хотя иногда и из остатков высших слоев высшего общества. О вкладе первых уже приходилось не однажды слышать, говорить, читать и писать, и здесь много об этом говорилось в связи с памятью об о. Александре Шмемане. У нас сейчас иная тема—о вторых, и о том, как опыт и наследие новомучеников и исповедников российских помогает и, верится, еще поможет нам в церкви в решении многих современных проблем восстановления полноты церковной жизни. Этот опыт новомучеников и исповедников российских прежде всего показывает, что началась новая эпоха церковной истории—эпоха, которую пока окрестили «послеконстантиновской» или, менее удачно, «посленикейской». В оценке нового духовного и церковного опыта этой эпохи мы, конечно, черпаем из того кладезя, который уже открыт нам, хотя знаем, что еще должно быть многое дано и многое открыто. Собирать опыт церкви воедино, очищая его от примесей и вещей второстепенных—одна из важнейших задач. Это требует от нас внутренней переориентации, почитания живущих и недавно живших святых более, чем прежде, как и вообще ухода от

«заоблачного» и даже «загробного» христианства, так же как и от слишком заземленного и недерзновенного казенно-охранительного православия, не верящего в силу благодати Духа. Опыт русских святых XX столетия требует от нас вникнуть в дух единства и различия канонических, мистериальных и мистических границ Церкви. Это задача возрождения кафоличности и экуменичности церковной веры и жизни, открытости всех членов церкви ко всякой правде и истине Божией, где бы и у кого бы они ни обретались. Этим духом вселенскости и открытости, независимости лишь от привычных и старых форм и формул дышит всякий образ, всякое слово и дело российских исповедников и мучеников, даже евхаристическое. Я застал еще некоторых из них, и об очень многих читал и слышал. Вспомним из последних хотя бы о. Тавриона Батозского, глубоко по духу православного и в то же время открытого к католической и протестантской традициям и, главное, к живым их носителям. Эта открытость позволяла ему и поставить в храме католическую статую, и даже в ряде случаев причащать тянувшихся и приходивших к нему инославных, ничего особенного от них не требуя, кроме обычного для всех личностного соучастия на литургии. Этот же дух позволял ему, как и многим другим святым, широко использовать на богослужении живую проповедь, современный язык (известны такие переводы о. Василия Адаменко и опыт о. Василия Абоймова, благословленные владыкой Сергием Страгородским и поддержанные, например, профессором М.Н. Скабаллановичем) и свободные молитвенные включения в традиционные чинопоследования. В связи с этим опытом нам можно с новой силой утверждать старую истину, что формы существования и выражения в Церкви единого духа и смысла могут быть различны и вместе с тем в одних и тех же формах могут вмещаться и жить разные духи и даже смыслы. С этим связано обновление в Церкви Христовой единства и свободы духа и смысла. Оно противно всякому хаосу и есть призыв к подлинной простоте и ясности, в том числе на богослужении. Как здесь не вспомнить труды и жизнь митрополита Кирилла Смирнова или епископа Афанасия Сахарова, верившего в спасение некрещеных и высмеивавшего церковный сервизизм и умиленное чинопоклонство. Официальность и внешняя псевдовизантийская пышность богослужения и церковной жизни были поставлены под вопрос не только внешним, но и внутренним опытом. Тот же владыка Афанасий Сахаров говорил, что уже невозможно служить по византийскому чину пышные архиерейские службы после того, что мы пережили. Литургии в домах, лесах, в заключении и вообще «идеже прилучится» (как был подписан один из известных мне антиминов того времени—епископа Павлина Крошечкина) требовали возрождения известной с первых христианских веков общинности на местном уровне евхаристического собрания и при этом не одной лишь «круговой поруки», а подлинно церковной личностности, не могущей переступить «во имя общего блага» ни через одного человека, который ведь тоже может быть и являться пред Богом свободной и духовной личностью. Русские святые нашего века подвигли и подвигают нас к восстановлению подлинной иерархии ценностей, в которой нет никого выше Богочеловека Христа, а значит, и Живого Бога, и сообразного Ему человека. Они выше культа и буквы закона, они ставят в центр всякого церковного собрания Евхаристию—Благодарение Отца за Спасителя и всепрощение, но без компромисса с верой. Бог и человек не могут быть средствами ни для кого и ни для чего, в том числе и государства. Прекрасный пример переосмысления отношений между церковью и государством—Соловецкое послание. Новомученики и исповедники российские достигли новой высоты, показав великие, почти библейские примеры смирения и дерзновения. «Бог дал, Бог и взял»,—говорили они словами праведного Иова, но только прибавляли еще пророческое—"по грехам нашим", т. е. своим и церковным. Этим были открыты только зло, ложь—только ложь. Или—грех другого можно простить, но со злом, как внешним, так и внутренним, надо всегда бороться, ибо оно уже не факт, а акт, т. е. дух «не от Бога». Или—никакое насилие никогда до конца оправдать нельзя. В связи с этим еще очень важно отметить мысль не новую, но очень часто забываемую. Опыт по обновлению церковной жизни новомучеников, вполне входя в древнее святоотеческое «*Ecclesia semper reformanda*», отличен от опыта обновленцев-раскольников, которые имели слишком близкие отношения с антицерковной

властью. Исходя из того, что мы знаем о новомучениках и исповедниках, мы должны помнить, что церковная жизнь в ее полноте не должна прекращаться ни при каких условиях. Сейчас, например, когда открывают храмы и они в таком состоянии, что служить там нельзя, и, может быть, нет даже священника, но есть верующие люди, очень печально видеть, что церковная жизнь, духовная жизнь не возрождается. Люди ждут. А чего ждут? Когда эмигрировали многие русские люди за границу, они начинали службу, как известно, и в гаражах, и, казалось бы, в самых неподходящих местах. Они быстро оборудовали любое помещение. Неужели мы можем связывать мирянские богослужения только с беспоповщиной, даже тогда, когда священник заболел или, например, уехал, или когда его просто нет? Сейчас во многих приходах священника просто нет и, может быть, не во всех он быстро появится. Так неужели нельзя начинать без него богослужения по известному в церкви чину? Всем известно, чем отличается мирянское богослужение, любое из часослова—вечерня, утреня и т. д., от священнического. Почему-то здесь обычно проявляется нерешительность, а в результате люди рассеиваются, часто последние люди, которые могли бы способствовать возрождению нашей церкви и веры Христовой. Конечно, все, о чем я сегодня говорил, требует глубокого, серьезного обсуждения. Это некоторый концентрат, конгломерат горячих, на мой взгляд, моментов. Их неусвоение слишком дорого может обойтись нам, сейчас живущим в церкви. Мы знаем уже печальные плоды некоторых крайних позиций, когда действительно, можно только диву даваться: сморишь, слушаешь и думаешь—неужели не было целой эпохи мучеников, исповедников? Неужели она нам ничего не дала? Дай Бог, чтобы не случилось этого с нами!* Доклад на конференции «Исторический путь Православия в России после 1917 г.» (Санкт-Петербург, 31 мая - 2 июня 1993 г.)* На конференции был, в частности, профессор-протоиерей Ливерий Воронов, участник «псковской миссии».

К.Ю: Стихи

Поэзия

Ко мне приходят слухи<о:p></о:p>

Во мраке судить откровенно,<о:p></о:p>

Как будто в любви и чести<о:p></о:p>

Себя лишь кую надменно.<о:p></о:p>

<о:p> </о:p>

Кто может, пусть скажет при свете,<о:p></о:p>

В зеницу ока мне метя,<о:p></о:p>

Любил ли я лицемерно,<о:p></о:p>

Презрел ли кого в совете?<о:p></о:p>

<о:p> </о:p>

Враги мои, отзовитесь,<о:p></о:p>

Бросьте мне по перчатке,<о:p></о:p>

Вновь чтоб тоска запела,<o:p></o:p>

Зрея в души початке.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

январь <st1:metricconverter ProductID="1977 г" w:st="on">1977
г</st1:metricconverter>.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>